

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

МОРПЕХ

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Олег Витальевич Таругин
Морпех. Большая земля
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Морпех», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67744494
Морпех. Большая земля: Эксмо: Яуза; М.; 2021
ISBN 978-5-04-122850-7

Аннотация

Третья часть цикла, начатого романами «Морпех. Ледяной десант» и «Морпех. Малая земля» от признанного мастера жанра.

Старший лейтенант морской пехоты Российской Федерации Степан Алексеев снова оказывается в тылу фашистов, но в этот раз не по своей воле и не в составе разведгруппы. Срочно вызванный приказом с самого «верха» в Москву, старлей не добирается до столицы. Вместо приема у Верховного главнокомандующего Степану предстоят новые игры со смертью в обледеленых зимних горах.

Сумеет ли Алексеев скрытно вернуться в Новороссийск? Или предпочтет прорыв с боем? Вот только внезапно выясняется, что фашисты готовят мощное наступление на плацдарм «Малая

земля». И морпех рискует оказаться между молотом и наковальней...

Содержание

От автора	6
Пролог. Параллельный мир. Версия	7
Глава 1. Воспоминания о будущем	15
Глава 2. Бомба	32
Глава 3. Сочинение на заданную тему	48
Глава 4. Решение	65
Глава 5. Между небом и землей	82
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олег Витальевич Таругин

Морпех. Большая земля

© Таругин О., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

От автора

Описанные в книге события могут частично или полностью не совпадать с событиями реальной истории времен обороны плацдарма «Малая земля» и боев за Новороссийск. Имена большинства бойцов и командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru) Александру Оськину и Игорю Черепнову и читателям литературного портала «Author.Today» (<https://author.today>).

Спасибо большое, друзья!

Пролог. Параллельный мир. Версия

Новороссийск, наши дни

С сомнением взглянув на чашку с чаем в своей руке, Виктор Егорович добавил:

– Кстати, коль чаю не желаете, у меня и чего покрепче найдется, как раз под наш будущий разговор...

Поскольку в ответ на последний вопрос поисковики дружно промолчали, обменявшись быстрыми понимающими взглядами, командир отряда лишь смущенно крикнул:

– Ну, на нет и суда нет, как говорится! А вообще правильно, товарищи бойцы! Горжусь! В вашем возрасте на крепкий алкоголь налегать категорически противопоказано, тем более по утрам. Молодцы, хорошую смену вырастил! Врачи говорят, на все внутренние органы плохо влияет, от головного мозга до, так сказать, гм, репродуктивной, понимаешь ли, системы. А врачам верить нужно, как без этого. Хоть и не всем.

Военные археологи молчали, с трудом сдерживая улыбки и прекрасно зная, что последует за этим.

Ароматно парящая свежесваренным чайком чашка практически бесшумно – с координацией движений и мелкой моторикой у бывшего сапера, несмотря на возраст и оторван-

ные душманской миной палыцы, все было в полном порядке, – опустилась на поверхность стола, словно военный вертолет на бетонку Баграмского аэродрома.

– Ну, а я, так уж выходит, пожалуй, не удержусь – ввиду особой значимости момента, так сказать.

Покопавшись в тумбочке, Егорыч выставил на стол початую бутылку коньяка. Рядом звякнули... нет, не банальные рюмки и тем более не пошлые коньячные снифтеры, а самые обычные советские граненые стопки, вмещающие ровно семьдесят пять граммов высокоградусного напитка, какого бы происхождения тот ни был.

Стопок, как ни странно, оказалось ровно три штуки.

Набулькав свою по самый край, Виктор Егорович, поколебавшись пару мгновений, повторил деликатную операцию с двумя остальными. Вот только на сей раз уровень янтарной жидкости оказался куда ниже – стопки наполнились едва наполовину.

– Дык не одному ж пить-то, – смущенно пояснил поисковик. – Так, чисто символически, на полглоточка. Вон, певцы, поговаривают, перед выступлением тоже горло промачивают, чтобы, значит, связки нормально работали, да. А говорить нам, подозреваю, долгонько придется. Ну, вздрогнули, что ль?

Снова переглянувшись с товарищем, Лешка Семенов первым взял стопку. Серега Ерасов последовал примеру друга.

– За будущий разговор, так сказать! – конкретизировал

командир отряда, лихо опрокидывая в рот емкость. Удовлетворенно крикнув, помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями:

– Короче, так, бойцы. Как уже говорил, вы у меня люди продвинутые, книжки всякие фантастические читаете, потому вам и карты в руки. Имеются предположения, куда этот самый ножик испариться мог и почему так произошло?

– То есть... вы на самом деле считаете, что тот пропавший во время маневров старший лейтенант... попал в прошлое, что ли?! Вместе со своим перочинным ножиком? – осторожно осведомился Ерасов, с трудом скрывая... да какое там, на фиг, удивление?! Откровенное обалдение, скорее...

– Типа того, – покладисто согласился Виктор Егорович. – Скажем так, с некоторых пор я допускаю подобную возможность. Крайне нехотя – но допускаю. Хотя лично мне подобная постановка вопроса активно не нравится.

– Так вы ж сами говорили, что он в том раскопе никак оказаться не может, поскольку по комплекции не подходит?

– Говорил, помню. И от слов своих не отказываюсь. Ножик этот Степка мог потерять или подарить кому-нибудь, не в том суть. Вопрос-то мой совсем про другое: ежели он взял, да вдруг буквально в воздухе растаял – что это означать может? Ну, хотя бы с точки зрения той самой фантастики, что вы оба читать любите.

– Сложно вот так сразу ответить... – задумчиво пробормотал Семенов. – Хотя... может, и не сложно, смотря с какой

стороны посмотреть. Или нож был уничтожен в прошлом, потому и в будущем исчез, или... Короче, Виктор Егорыч, вы про параллельные миры слышали?

– Да как тебе сказать, Леша... – неопределенно пожал плечами командир отряда, бросив на бутылку оценивающий взгляд. Однако наливать по второй не стал. – Считай, что не слышал. Так что рассказывай, что там товарищи писатели в своих книжках понапридумывали.

– Так тут все просто! – воодушевился Алексей, и на самом деле являющийся большим любителем «попаданческой» фантастики. – Существует теория, что человек, попавший в прошлое и сумевший всерьез изменить ход истории, становится отправной точкой, от которой «ответвляется» новая ветвь развития всех последующих событий. Ну, не сам человек, собственно, а именно что вызванные ним изменения. Непонятно? Ладно, объясню проще. – Парень взял лист бумаги, провел маркером прямую линию от края до края. – Смотрите, вот это наша родная историческая реальность, от создания мира, как говорится, и до сегодняшнего дня. А вот тут, – Семенов поставил примерно посередине жирную точку, – в прошлое каким-то образом попадает наш старший лейтенант. Временная привязка – с февраля по сентябрь сорок третьего года, поскольку нож мы на плацдарме нашли, а Малая земля именно в эти сроки и держала оборону. Степан что-то там делает, причем настолько значимое, что это меняет всю привычную историю. – Маркер, словно

ушедшая в занос автомашина, резко вильнул в сторону и выпрямился, рисуя еще одну линию, параллельную первой. – И возникает новый мир, берущий свое начало в сорок третьем. Иначе говоря, до момента попадания Алексеева в прошлое наши миры ничем не отличались. А затем разошлись, словно железнодорожные пути после прохождения стрелки, понимаете? Разделились на две абсолютно независимые друг от друга колеи. Основной поезд, НАШ, попер по основной колее – 9 мая 1945 года, смерть Сталина, Хрущев, Брежнев, Горбачев, распад Союза, девяностые, Путин, наши раскопки на плацдарме, все дела. А второй – двинул по новому пути. Вот в этом и суть теории параллельных миров.

– А в этом самом параллельном мире-то что происходит? – задал вполне ожидаемый вопрос Виктор Егорович.

– Так то же самое, что и в нашем, только как-то немножечко по-другому, – с готовностью пояснил Леха. – Ну, допустим, фашистов удалось чуток раньше разгромить, и День Победы у них не девятого мая сорок пятого, а, предположим, седьмого ноября сорок четвертого. Или рассказал старлей про Хрущева, и того вовремя от власти отодвинули. Может, и товарищ Сталин подольше пожил, и Лаврентия Палыча не расстреляли. Глядишь, и СССР не развалился – или развалился, но на более выгодных условиях, чем в нашем мире произошло. Мы этого в любом случае никогда не узнаем, поскольку никакой связи между мирами нет. Если, конечно, у них наука до таких высот не поднимется, что они к

нам лазейку не отыщут. Только лично я в последнем как-то сильно сомневаюсь...

– Добро, про это я понял, – задумчиво нахмурившись, медленно кивнул командир отряда. – Звучит, к слову, вполне правдоподобно и где-то даже логично. А пропавший нож – то тут каким боком?

– То есть как это каким?! – вскинулся Семенов. – Откуда ему в нашем мире взяться, если он вместе со Степаном во втором «поезде» в будущее поехал?

– Так ведь вы с Серегой сперва здесь его обнаружили, *у нас*? И исчез он вовсе даже не сразу, вон, сколько времени у меня в столе провалялся, – ухмыльнулся Виктор Егорович, подмигнув поисковикам. – Нестыковочка, ага? Меня в свое время ох как серьезно учили на всякие разные нестыковки внимание обращать. В саперном ремесле подобная внимательность порой жизнь могла спасти – и спасала, кстати!

– Нестыковочка, – упавшим голосом согласился молодой поисковик, переглянувшись с товарищем. Ерасов не подвел:

– А вот и ничего подобного! С чего б вдруг сразу нестыковочка? Не мгновенно же Алексеев новую реальность-то создал? Сначала с предками познакомился, обстановку там оценил, что делать прикинул, да мало ли? А вот когда создал, тогда и нож с ним тоже туда отправился. Ну, а здесь, у нас, соответственно, исчез на фиг.

– В смысле?

– Да просто ж все, сами подумайте! Мы находим перочин-

ный нож, который Степан, допустим, потерял в сорок третьем году, так? Вот только потерял он его *до того*, как совершил нечто важное. А как совершил, и возникла новая версия будущего, ножик-то у нас и того, тю-тю – и испарился! Логично же, а?

– Вроде да, – с уважением взглянул на друга Семенов. – Молодца, Серый, а то я как-то сразу и не допер.

– Да ладно, все ж на поверхности лежало, – чуть самодовольно хмыкнул Ерасов. – Кстати, и другой вариант тоже имеется, ты о нем сам упоминал. «Викторинокс» этот поддельный мог быть тупо уничтожен. Опять же, выронил его наш старлей, а точнехонько в то место немецкая бомба или мина ударила. Бабах – и все, кому какая-то погнутая железка нужна? Так где-то и сгнил за семьдесят лет... хотя, если честно, в этом случае будет посложнее объяснить, отчего мы его сначала нашли, а уж потом он испарился... я, по-крайней мере, не смогу...

По столу решительно ударила широкая ладонь бывшего сапера:

– Так, все, бойцы, достаточно! На вопрос свой я однозначно ответ получил и даже практически успокоился. Да и вообще вон сколько всего нового да интересного узнал.

Скрипнув пробковой крышечкой, командир поискового отряда откупорил бутылку, решительно наполнив свою стопку:

– Вам, уж извиняйте, больше не предлагаю. Поскольку,

как уже сказал, в вашем возрасте по утрам пить вредно, особенно коньяк.

– А вам? – не сдержавшись, фыркнул Лешка.

– А мне уже все можно, – отмахнулся Егорыч. – Да и не в том дело. Ежели все так, как вы мне порассказали, значит, имеется серьезный шанс, что Степка жив и здоров. Вот я и думаю, что мне теперь его батюшке рассказывать, и про нож этот – и вообще...

Глава 1. Воспоминания о будущем

Борт катера МО-054, 10 февраля 1943 года

– Ты про это вот все... серьезно сейчас сказал? – На контрразведчика было больно смотреть, в чем Степан его, как ни странно, очень даже хорошо понимал. Нет, кроме шуток, понимал. Не ожидал мужик... ну, а кто бы ожидал, собственно?

Вот обратился бы к нему – там, в родном двадцать первом веке, разумеется, – кто-то из бойцов десантно-штурмовой роты, сообщив, что прибыл из далекого будущего, года эдак 2190, к примеру. И рассказал, что Земля подверглась нападению каких-нибудь там квазиразумных супер-пупер-мега-роботов из соседней галактики. Победу над коварными захватчиками люди, понятно, одержали, к хренам собачьим расфигачив этих самых робокопотерминаторов. Вместе с собственной планетой, на которой после войны можно смело ставить крест, поскольку раздолбали ее термоядерными – ну, или какие там еще боеголовки в будущем изобретут? – зарядами в полный хлам. Но ежели сейчас сделать то-то и то-то, подобного сценария можно избежать, переписав историю заново и не допустив вторжения. Правда, с доказательствами у этого самого попаданца как-то не срослось, так что придется тупо верить на слово.

И что бы подумал старший лейтенант Степан Алексеев?

Прислушался бы, поверил? Или отправил «пришельца», от греха подальше, в санчасть или сразу к местному особисту? Вопрос, если уж начистоту, риторический...

Одно радует: старлей, в отличие от гипотетического борца с инопланетными оккупантами, кое-что доказать все же таки может. И дело тут вовсе не в штык-ноже (обычная железяка, что уж тут, в этом времени и получше делали), а в знании еще не случившихся событий, так что проверить его слова окажется не столь уж и сложно. Вот только, как он уже прикидывал, не сразу, увы. Вон хотя бы ту же Курскую битву взять: знаменитый стратегический выступ в западном направлении, который фашисты попытаются всеми силами срезать сходящимися ударами, окончательно сформируется только весной, а главные боевые действия начнутся в июле-августе. А сейчас, если кто вдруг запамятовал, еще только февраль! Ждать, пока все свершится? Ага, вот прямо сейчас! Ему воевать нужно, а не отсиживаться где-нибудь в Москве, дожидаясь подтверждения собственных слов и, соответственно, изменения отношения предков к переданной информации. Чтобы вспомнить все, что Степан знает о будущем, и нескольких дней с лихвой хватит.

Разумеется, в либеральные страшилки, что по прибытии в столицу его немедленно запрут в сырых и кишящих гигантскими крысами-мутантами из московского метро лубянских подвалах, где станут каленым железом и прочими пудовыми кулаками выбивать признание в работе на румынско-уруг-

вайскую разведку, он не верил. Не совсем же идиот, чесслово! Но и в том, что от него не отвяжутся как минимум до подтверждения хоть какой-то из переданной информации, увы, не сомневался. Да и потом, скорее всего, тоже не отвяжутся. В лучшем случае отправят инструктором в какой-нибудь подготовительный лагерь местного ОСНАЗа, обучать будущих спецназовцев тому, что понапридумывали потомки за семь с лишним десятилетий. И то далеко не факт, что боевая подготовка обычного российского морпеха превосходит все то, что УЖЕ знают и умеют эти ребята. Вон как с горными егерями управились – и, заметьте, безо всяких технологичных приблуд вроде ПНВ, коллиматоров, подствольных гранатометов, портативных радиостанций и прочих планок Пикатинни. Они и без всяких будущанских знаний те еще волкодавы. Так что скорее наоборот, это ему у этих ребят нужно учиться, как без навороченного снаряжения и технических средств, с не самым совершенным оружием бить врага в любых, даже самых сложных условиях! И не просто бить, но и неминуемо побеждать! Ведь все те знания тактики, которым его обучали в будущем, с одной стороны, основаны на опыте этой и последующих войн, а с другой – как раз таки и определяются наличием соответствующих приспособлений и техники, под которые и адаптируются боевые уставы. А без всего этого его знания практически ничего не стоят.

Собственно, к чему далеко ходить? Простой пример – установка гранаты на растяжку. С имеющимися на воору-

жении боеприпасами, прежде всего «эфкой» и только-только начинающей массово поступать в войска РГ-42, предки и без него прекрасно ловушки устраивают. И не только с ними – сумел же он недавно заминировать бронетранспортер и барак с фрицами парочкой РПГ, хоть и видел «ворошиловский килограмм» во второй раз в жизни? Сумел. Так неужели предки, прошедшие с подобными гранатами всю войну, этому не обучены? Даже не смешно. Или, допустим, ту же «монку»¹ (или ее заокеанский аналог «Клэймор») взять – конструкцию с прочими ТТХ он отлично помнит, ничего там особенно сложного и нет. Вот только для ее снаряжения нужно пластичное взрывчатое вещество типа отечественного ПВВ-5А, которого в этом времени, понятно, еще не изобрели. Опять же, ничего сложного, всего лишь хорошо известный гексоген с полимерными пластификаторами, но старлей отнюдь не химик, и технологии пропитки взрывчатки оным пластификатором, равно как и его подбора, не опишет. Хотя про пластичное ВВ нужно будет обязательно упомянуть, пусть экспериментируют, штука полезная. Глядишь, и опередят тех чехов, что свой «Семтекс» в пятидесятых годах придумали.

Вот и выходит, что единственное, чем старлей реально мо-

¹ *МОН-50* – осколочная противопехотная мина направленного действия для уничтожения живой силы противника как на открытом месте, так и в небронированных транспортных средствах. Цифра «50» означает приблизительную дальность сплошного поражения в метрах. Оснащается готовыми поражающими элементами шарообразной или цилиндрической формы.

жет помочь, – знание истории Великой Отечественной. Ну, и приятным дополнением к этому – истории современного ему стрелкового оружия. Возможно, это позволит, пусть и ненамного, сдвинуть сроки принятия на вооружение подходящих образцов.

И все же сейчас, в феврале 1943 года, главным приоритетом все-таки остается грядущая Курская дуга, которой, насколько он понимает, не избежать, несмотря ни на какие привнесенные им (во как сказал!) изменения истории. Нет, оно, конечно, понятно, что по итогам мы победили; что панцерваффе до самого конца войны так и не сумело восполнить потери в бронетехнике и опытных экипажах, но какой ценой досталась эта победа? Сколько наших танкистов полегло в самоубийственных атаках на непробиваемые для семидесятишестимиллиметровых пушек с дистанции более полукилометра «Тигры» и «Пантеры»? А ведь все еще можно исправить! Нет, новых тридцатьчетверок с «ЗИС-С-53» и тяжелых «Иосифов Сталиных», взять, понятно, неоткуда, а легендарных «Зверобоев» СУ-152, способных одним снарядам разобрать на запчасти любой немецкий танкер, на весь фронт не хватит, поскольку мало их. Но вот изменить тактику сражения – вполне можно. Насколько Степан помнил, наши и без того достаточно успешно использовали минные поля, артиллерийские и авиационные налеты и фланговые засады орудий ПТО – вот и нужно это дело довести до совершенства. Загнали же советские гаубицы те непробиваемые

«Фердинанды» на минные поля, где они и остались! А что для этого необходимо? Правильно, разведка и еще раз разведка. Чтобы знать каждый шаг противника, чтобы успевать заранее *подготовиться*: на каких железнодорожных станциях танки выгружают, где собираются применять, какими путями подвозятся ГСМ и боеприпасы – и так далее, и тому подобное...

– Ну, и чего молчишь? – угрюмо буркнул Шохин, мужественно борясь с тошнотой: «морской охотник» оседлал волну, сначала задрав нос, а затем всем корпусом резко просев вниз. Рулевой откорректировал курс, отчего катер снова качнуло, на сей раз с борта на борт. Судорожно вцепившийся рукой в край койки контрразведчик страдальчески поморщился.

– Не молчу, Серега, просто что уж тут еще говорить? А сказал я серьезно, да. Вот как хочешь, так и понимай, но серьезно, серьезнее некуда. Даже и добавить, в принципе, нечего.

Покопавшись в полевой сумке, капитан госбезопасности вытащил обычную солдатскую флягу без чехла, открутил крышечку. Глотнул, ожидаемо задохнувшись и шумно занюхав рукавом. По крохотной каюте поплыл запах неразведенного спирта.

– Будешь? От морской болезни, понятно, не сильно поможет, но как тут не выпить?

– Давай, – не стал упираться старлей, принимая фляжку.

Привычно задержал дыхание, сделал небольшой глоток, выждал и запил остывшим чаем. Скользнувшая по пищеводу обжигающая жидкость опалила практически пустой желудок беззвучным взрывом, спустя несколько секунд разлившимся по всему телу приятным теплом. – Спасибо.

– Не за что, – невесело усмехнулся Шохин, кладя емкость рядом с собой. – Добро, я тебя слышал. Не могу сказать, что поверил, сам должен понимать, но услышал. Ну, а доказательства этих слов у тебя имеются? Хоть какие-нибудь?

– Доказательства? – хмыкнул Степан, несмотря на определенно не предрасполагающую к юмору ситуацию, с трудом сдержав улыбку. Поскольку, по уже сложившейся традиции, появляющийся в самый неподходящий момент внутренний голос внезапно напомнил ему ставшую популярной в интернете фразу из амерского боевика восьмидесятых годов с молодым Шварцем в роли капитана советской милиции: «Какие ваши доказательства?» Далее Железный Арни отрывает одному из русских мафиози ногу, оказавшуюся наполненным кокаином протезом, после чего звучит вторая легендарная фраза, произнесенная уже самим Шварценеггером с вовсе уж жутким акцентом: «кокаинум»².

– В том-то и проблема, Серега, что нет у меня никаких серьезных доказательств, одни только слова. Точнее, информа-

² Степан имеет в виду американский комедийный боевик «Красная жара» с Арнольдом Шварценеггером и Джеймсом Белуши в главных ролях, снятый в 1988 году.

ция о тех сражениях, которые пока еще не произошли. А из того, что можно, так сказать, руками потрогать, разве только это, – старлей протянул контрразведчику снятые с пояса ножны со штыком. – Ну, еще камуфляжные брюки с берц... ботинками, но это уж вовсе на доказательство не тянет.

– И штаны твои необычные, и нож я сразу заприметил, да и бойцы их подробно описывали, сам ведь читал. Правда, им ты говорил, что, мол, новый образец, проходит полевые испытания в боевых условиях, а автомат, для которого этот самый штык предназначался, утонул во время высадки.

Шохин повертел штык-нож в руках, однако вытаскивать его из ножен отчего-то не стал, вернув Степану.

– А еще там упоминалось, что им можно колючку или провода резать. Покажешь, каким образом?

Старлей, разумеется, показал. Хотя и не сомневался, что капитан бы и сам справился – Левчук с Аникеевым описывали процесс достаточно подробно. С другой стороны, понятно, почему так: хочет поглядеть, насколько *уверенно* морпех с ним обращается. Ладно, не станем разочаровывать: Степан на ощупь соединил штык-нож с ножнами, пару раз клацнул получившимися кусачками, будто перерубая невидимую проволоку, повторил операцию в обратном порядке и лихо вогнал клинок назад в ножны. Про остальные достаточно специфические возможности «6Х4» он решил пока умолчать – да и ненужно оно.

Рукояткой вперед возвратил штык-нож особисту, наблю-

дававшему за его действиями профессионально-цепким взглядом, судя по которому очередную проверку морпех тоже прошел без нареканий.

– Вот так это и работает, ничего сложного, как видишь. Можно перекусывать, можно пилить. А в качестве оружия – или резать, используя как финку, или колоть в штыковой атаке: вот это кольцо надевается на ствол, а паз с подпружиненным фиксатором – на специальный упор под ним... примерно как на самозарядной винтовке Токарева. Прорезь в рукоятке – чтобы шомпол не мешал.

– Лихо ты с ним управляешься, старлей, – одобрил контрразведчик, медленно, но достаточно уверенно повторив все манипуляции. Отложил штык на койку рядом с флягой. – Вот только верно ты сказал, никакое это не доказательство. Да, сразу видно, что не самоделка, а на заводе изготовлен, и серийный номер я тоже разглядел. Но – не доказательство, извини. Вот ежели б автомат к нему имелся, тогда совсем даже другое дело...

– Так я и не спорю, – устало пожал плечами старший лейтенант. – Только нету моего автомата, утонул вместе с бушлатом, в кармане которого и все мои документы находились.

– Бушлат скинул, чтобы на дно не утянул? – понимающе кивнул Сергей, припомнив совет матроса, прогнавшего его с палубы «морского охотника» во время первого перехода на плацдарм. – Потому и автомат выбросил?

– В общем и целом да. Хотя на самом деле немного не так

все произошло.

– Вот и расскажи, а я послушаю, – с деланным равнодушием в голосе «согласился» контрразведчик. – Про то, как тебя в одних штанах да тельняшке на берег вытащили, я и слышал, и читал, так что можешь не повторяться. Про спасательный круг и близкий взрыв – тоже. А вот насчет всего того, что перед этим происходило, я как-то не в курсе. Да и товарищам своим ты об этом тоже отчего-то не широко распространялся, всего-то один раз мельком упомянул³, что высаживался на бронетранспортере с борта десантного корабля. Кстати, что еще за корабль такой? Или это ты те баржи-«болиндеры» в виду имел? Ежели да, тогда у меня сразу еще один вопрос возникает: что ж за броневик такой удивительный, который самостоятельно по морю плавать умеет? Пояснишь?

«Точно, упоминал, – припомнил Степан. – Еще в блиндаже, где в себя пришел. Вот только в бумагах, что он только что просмотрел, об этом ни слова не говорилось. Видать, кто-то из ребят, Левчук или Аникеев, в разговоре обмолвился, а капитан и запомнил. А вот в рапорте они об этом писать не стали, чтобы командира лишний раз не подставлять. Эх, простота! Неужели в самом деле надеялись, что особист ничего не заметит? Да и какая, в принципе, разница? Все равно собирався рассказывать все как есть».

– Поясню, понятно, мне скрывать нечего. Слушай, как де-

³ Подробнее об этом можно прочесть в первом романе серии «Морпех».

ло было...

На то, чтобы во всех подробностях описать неудачную высадку с борта «Новочеркасска», Алексееву хватило десяти минут. Еще примерно столько же потратил на объяснение, что из себя представляет большой десантный корабль проекта 775 и утонувший бронетранспортер. Заодно и представился по всей форме, упомянув про родной 382-й ОБМП Краснознаменного Черноморского флота, поскольку, как уже говорилось, несуществующий в реальности «командир погибшей при высадке разведгруппы особого назначения» закончился раз и навсегда. Даже как-то сразу и полегчало...

Слушал контрразведчик молча, не перебивая и не задавая вопросов: как откинулся на мелко подрагивающую в такт работе судовых машин стену каюты, так и просидел, чуть прикрыв глаза, пока старлей не замолчал. Никаких записей Шохин тоже не вел: судя по всему, по приходу в базу Степану предстояло изложить все сказанное на бумаге, что ни разу не радовало. Вообще не радовало. Отписываться старший лейтенант, как и любой другой боевой офицер, терпеть не мог, хоть порой и приходилось. Вот только ему, если начистоту, даже банальные школьные сочинения давались... трудно, короче говоря, давались. Может, в контрразведке бобинный магнитофон найдется, их в этом времени уже точно изобрели. Угу, вот прямо сейчас, размечтался! Изобрести-то их, понятно, изобрели и даже весьма активно используют, вот только не по нему честь, скорее всего...

– Все? – осведомился капитан госбезопасности, когда Степан замолчал.

– Так точно. Ну, в смысле, да, все рассказал.

– А отчего корабль-то этот поляки строили?

Неужели своих верфей не имеется?

Заданный вопрос откровенно поставил Алексеева в тупик – о подобном он как-то не думал. Да и с чего бы простому морпеху всерьез интересоваться сугубо флотскими вопросами? Но не молчать же, вон как Серега напрягся. Смешно, кстати: на стометровый корпус и способность принять на борт десятков танков и три с лишним сотни морпехов он никак не отреагировал, а вот на то, что построен в Гданьске, – очень даже.

– Да нет, имеются, конечно, как без этого... – судорожно выуживая из памяти нужную информацию, ответил Степан. – Просто, как я понимаю, нужно было союзничков работой загрузить, чтоб дурные мысли в башку не лезли. Собственно, они ж не только себе и нам корабли строили, но и другим соцстранам – Болгарии, там, Восточной Германии, еще кому-то, югославам, кажется. Хотя как по мне, с такими союзницами, как пшеки, никаких врагов не нужно.

– А ну-ка притормози чуток, – внезапно остановил его контрразведчик. – Соцстраны – это вот что такое? Понимаю, что сокращение, но расшифруй!

– Социалистические страны, – пожал плечами Алексеев. – Ну, те, что после войны решили вместе с нами социализм

строить.

– И немцы?!

– Так не все немцы, половина только. Остальные под американцев легли и вместе с ними всеми силами к новой войне готовились, к Третьей мировой. Зато те фрицы, что к нам примкнули, самыми надежными союзниками оказались. Особенно когда чехи в конце шестидесятых взбунтовались и пришлось войска вводить...

Старлей осекся, напоровшись на яростный взгляд Шохина. И мысленно тяжело вздохнул. Ну, понятно, теперь придется пересказывать товарищу капитану краткий курс истории разделенной на два противоборствующих лагеря послевоенной Европы, блин! Одно радует – возможно, он и ошибается, но отчего-то ему кажется, что вот теперь контрразведчик окончательно поверит. Вон как беднягу нахлобучило...

– Объясни, только коротко, – потребовал Сергей, взясь с фляжкой. – Спирту хочешь?

– Не, спасибо. Про что именно объяснять-то?

– Да про все то, о чем сказал! – рявкнул тот, с трудом сдерживаясь. – Про соцстраны, про немцев-союзников, про чехов взбунтовавшихся!

Дождавшись, пока Шохин отложит флягу и отдышится после солидного глотка огненной жидкости, Степан мягко предложил:

– Слушай, Серега... тут больно долго рассказывать, чест-

но! Может потом, как в Геленджик придем? Мне, я так сообщаю, все одно придется все это на бумаге описывать, верно ведь?

– Рассказывай, но только самую суть, – закаменев лицом, отрезал контрразведчик. – Но сперва ответь – когда мы фрицев окончательно разгромим? Следующей весной? Или только к осени?

– *В моем времени* фашистская Германия безоговорочно капитулировала девятого мая сорок пятого года. Ну, а Берлин мы взяли еще второго числа.

– Дальше, – хрипло – то ли горло спиртом обжег, то ли от волнения – потребовал особист. На столь старательно интонированную Степаном фразу «в моем времени», он никакого внимания не обратил. Или, скорее всего, просто *сделал вид*, что не обратил. Последнее оптимизма как-то не добавляло. Это Левчуку хватило простейшего объяснения, а капитану госбезопасности придется все подробненько по полочкам раскладывать. Проблема в том, что старлей ни разу не писатель-фантаст и оттого как-то не шибко представляет, как именно объяснить Сергею сущность изменений исторического процесса в результате, гм, его собственного воздействия на онный процесс.

– Дальше? Ну, слушай...

Следующие минут двадцать Степан старательно озвучивал все то, что помнил о послевоенном разделе Европы между союзниками, равно как и других событиях весны-лета

победного сорок пятого. Самоубийство Гитлера и Геббельса, подписание безоговорочной капитуляции, советская и англо-американская зоны оккупации, Потсдамская конференция, репарации и изменения границ, подготовка к войне с Японией, легендарный сорокатысячный Парад Победы и брошенные под барабанную дробь к подножию Мавзолея знамена и штандарты поверженной Германии (последнее, судя по выражению лица, контрразведчика впечатлило особо)...

– А с чехами-то что было? – помолчав, переваривая информацию, осведомился Шохин. – С чего взбунтовались-то?

Алексеев тяжело вздохнул:

– Давай я про это все-таки попозже расскажу? Если честно, не настолько оно и важно. Тем более в пятьдесят шестом еще и венгры в Будапеште взбрыкнули, там, насколько помню, вообще все жестко было, самые настоящие боевые действия в городе с кучей пожженных танков и множеством погибших с обеих сторон. Просто сейчас есть куда как более важные темы.

– Например? – мгновенно собрался собеседник, смерив морпеха острым взглядом.

– Например? – хмыкнул Степан. – Вообще-то у нас как бы война идет, не забыл? В июле на Курской дуге состоится крупнейшее в истории танковое сражение, исход которого окончательно переломит весь дальнейший ход Великой Отечественной. В нашу пользу переломит, понятно.

– Так, погоди-ка... – нахмурился Шохин. – А что это за дуга-то такая? Не понимаю.

– И не можешь понимать, поскольку нет ее еще пока, дуги этой. Точнее, стратегического выступа линии фронта в направлении противника, то бишь на запад. Только к весне окончательно сформируется, после чего фрицы его всеми силами срубить и захотят. Короче, на словах сложно объяснить, была б карта – показал.

– А ты нарисуй, – предложил Сергей, торопливо вытащив из полевой сумки появившийся от резкого движения лист бумаги и карандаш. – Хотя бы в общих чертах? Сумеешь?

– Ну, в принципе... Планшетку дай, не на коленке ж рисовать? – Припомнив в уме карту, старлей коснулся грифелем бумаги. – Вот, гляди, тут Орел, тут Белгород, ниже – Харьков. Курск примерно посередине. В результате боев зимы-весны образовалась, ну, в смысле, еще образуется, вот такая здоровенная загогулина. Фрицев это, понятно, сильно разозлило, и они решили ее срезать сходящимися ударами, вот отсюда и отсюда. Бойня была жуткая, но ничего у них не вышло, ясное дело. Правда, и потери у нас тоже были жуткие, и в людях, и в технике. Понимаешь теперь, о чем я? Если довести эту информацию до Верховного командования, все еще можно переиграть в нашу пользу, время пока имеется. Как и что будет происходить в июле, я приблизительно помню, на нормальной карте покажу и распишу. А чехи с венграми? Да и хрен с ними, потом разберемся...

– Если ты сейчас не соврал и ничего не перепутал, старлей, – с трудом подбирая слова, ответил контрразведчик, – то тебе и на самом деле цены нет! Как доберемся, найду карту, все подробненько на ней и отметишь. И на бумаге опишешь, само собой. Добро?

– Куда ж я денусь? – криво усмехнулся морпех. – Только сперва я б все ж таки перекусил.

– Накормлю от пуза, обещал же, – отмахнулся Шохин, занятый своими мыслями. – И насчет баньки договорюсь, косточки погреешь. Слушай, а вот насчет...

Внезапно пронзительно взвыл ревун боевой тревоги. Катер, словно отзываясь на этот зов, резко изменил курс, ложась на правый борт. Контрразведчика с морпехом швырнуло друг на друга, раскидало, впечатало в переборки. Обшив-ка загудела от попаданий, причем стреляли определенно из чего-то достаточно крупнокалиберного, уж точно не пулемета пехотного калибра. Торопливо зачастил палубный ДШК, звонко захлопали сорокапятимиллиметровые пушки. «Морской охотник» подпрыгнул на волне, ухнул вниз. Еще одна серия звонких ударов, дробно простучавших по борту от носа к корме. Потолочная лампочка мигнула, на миг погаснув, затем снова загорелась неярким, моргающим светом.

С кем именно воюет катерная команда, никакой ясности не было, но Степан ни секунды не сомневался, что произошло что-то достаточно серьезное...

Глава 2. Бомба

Борт катера МО-054, 10 февраля 1943 года

С трудом удерживаясь на ногах – активно маневрирующий катер нещадно валяло с борта на борт, – Степан огляделся в поисках автомата, сброшенного с койки еще первым толчком. Подобрал оружие, запахнул недокуртку – обзавестись нормальной одежкой он так и не успел, по-прежнему щеголяя в кастрированной румынской шинели, после лесных приключений превратившейся в нечто уж вовсе неопишемое.

– Далеко собрался? – мучительно морщась от накатывающей тошноты, осведомился контрразведчик.

– Нужно наверх подняться, разузнать, что происходит, – возясь с поясным ремнем и подсумками с запасными магазинами, пояснил старлей... внезапно наткнувшись взглядом на невесту откуда взявшийся в руке Шохина пистолет.

– Сидеть, – с металлом в голосе приказал тот. – Морячки сами разберутся, без нас.

– Серега, ты чего? – опешил Алексеев, от неожиданности (и очередного резкого маневра катера, снова изменившего курс) плюхаясь обратно на койку. – Сдурел?

– Рисковать категорически запрещаю! – отрезал тот, перекидывая через голову ремешок драгоценной полевой сумки. – С этой секунды от меня ни на шаг! И это приказ!

Очередная волна ударила «морской охотник» в борт, прокатилась по палубе, сбивая с ног расчеты полуавтоматических пушек и зенитного пулемета. Повезло, что на этот раз катер не принимал на борт раненых, по настоянию контрразведчика возвращаясь порожняком.

– А, вон ты о чем, – едва не сверзившись с узкой койки, мотнул головой морпех. – Мне ж теперь цены нет, потому и нужно пистолетом угрожать.

– Да кто ж тебе угрожает?! – искренне возмутился товарищ. – Забочусь просто. Оберегаю, можно сказать. Ну, вылезешь ты на палубу, а там прилетит осколок – и амба, как морячки выражаются. Или за борт смоем. Мне что, снова тебя по всему побережью искать?

Степан фыркнул:

– Ну, во-первых, мы в открытом море, так что искать меня уже смысла не будет. Ихтиандр я тебе, что ли? Да и он, подозреваю, в такой водичке долго б не протянул. А во-вторых, если катер начнет тонуть, выбраться отсюда окажется куда труднее. Логично?

– Логично, – согласился контрразведчик, опуская оружие. – Но все равно, от меня ни на шаг! Я не шучу!

– Договорились. – Старший лейтенант нагнулся, нащупывая улетевшую под койку флягу. Открыв крышечку, сделал пару глотков – если и на самом деле придется искупаться в ледяной февральской водичке, пусть лучше в крови окажется энное количество алкоголя – глядишь, немного долъ-

ше протянет. В зимнем море человек может продержаться от десяти-пятнадцати минут до трех-четырех часов, в зависимости от температуры воды. Знать бы еще, сколько сейчас за бортом. Если градуса три-четыре – это одно, а если около восьми – совершенно другое...

Протянул фляжку Шохину, однако тот решительно мотнул головой, отказываясь. Ну, была бы честь предложена; хозяйски запихнув емкость в карман многотрадной шинели, морпех мотнул головой:

– Пошли, что ли? Сам же говорил, что тебя наверху не так укачивает. Вот и проветришься.

– А у тебя в будущем, выходит, научно-фантастические романы товарища Беляева тоже читают? – неожиданно осведомился контрразведчик, запихнув «ТТ» в кобуру. – Это я насчет Ихтиандра.

– Читают, – не стал спорить (равно как и развивать тему) старший лейтенант, переступая высокий комингс и первым выбираясь в узкий коридорчик. Катер снова вальнуло с борта на борт, и чтобы не упасть, товарищам пришлось хвататься за переборки. – Вон туда давай, там трап наверх будет.

Трап обнаружился в точности там, где и запомнил Степан. Над головой лязгнула крышка палубного люка, вниз обильно плеснуло забортной водой. По решетчатым ступеням пробарабанили прогары торопливо спускающегося, практически съезжающего на каблуках матроса. На последних ступенях подошвы все-таки сорвались с влажного металла, и красно-

флотец с мучительным стоном приложился об палубу, успев прижать к груди раненую левую руку. Торчащая из изодранного рукава кисть в свете неяркой аварийной лампы казалась черной от крови. Алексеев подхватил его, не позволяя завалиться на бок, оттащил в сторону, прислонив спиной к переборке:

– Сильно ранило, братишка?

– Прилично, – сипло выдохнул тот сквозь сжатые зубы. – Все плечо разворотило. Помоги перевязаться, сам не смогу. Бинт в сумке. И люк в обратку задрай, волна высокая, захлестывает.

– Момент, – морпех кивнул контрразведчику. – Серега, найди индпакет. Я быстро, только огляжусь и люк закрою.

– Наружу – ни ногой.

– Исключительно по пояс, – фыркнул Степан. – Чтобы ничего важного не отстрелили.

– Трепло, – беззлобно буркнул Шохин, копаясь в противогазной сумке на боку раненого.

Поднявшись по узким ступенькам – или как там они у флотских правильно называются? – старлей осторожно высунулся над обрезом люка, пытаясь понять, с кем они, собственно говоря, сражаются. По ушам били звонкие выстрелы сорокапятки и размеренный рокот крупнокалиберного ДШК. Стреляные гильзы, приглушенно шипя, катались по палубе, остывая в потоках морской воды. Разглядеть что-либо было сложно, привыкшее к электрическому освещению

зрение еще не успело адаптироваться к темноте. Однако Степан все же заметил хищно вытянутый силуэт, над палубой которого пульсировали частые вспышки выстрелов. Вдоль бортов, позади или впереди по курсу поднимались фонтаны ответных попаданий – пока, к сожалению, без накрытия, хотя на корме определенно что-то горело, растягивая следом рваный дымный шлейф. Интересно, сколько до него кабельтов, полтора? Ну, да, где-то примерно так и есть – метров с двести-триста, ежели переводить в привычные сухопутные величины. Немецкий эсминец? Так вроде не было их на Черном море, отложилось в памяти что-то такое. Да и обводами никак не соответствует, маловат больно, в нем от силы-то метров тридцать, и надстройки с дымовыми трубами и прочими мачтами не видно, только приплюснутая, едва выступающая над корпусом рубка. Однозначно катер, просто размерами побольше их «Мошки».

Кстати, а где же остальные «морские охотники»? Не одни ведь они шли, как минимум три катера было? Ага, вон еще один из наших, скользит между волнами, благодаря низкому борту практически незаметный – только ходовые огни да вспышки выстрелов и выдают. А ведь фриц, полное впечатление, уходит, то ли признав неудачу, то ли спасаясь от преследования. Отбились они, получается? Или гитлеровский капитан видит то, чего не может разглядеть торчащий из палубного люка морпех? Например, тот самый эсминец сопровождения, про который упоминал контрразведчик? Кто-то

же по нему лупит, вон какие фонтаны высокие, явно не от катерных сорокапятков. Да и какая разница? Нужно помочь особисту раненого перевязать, это сейчас куда важнее, а со всем остальным морячки и сами разберутся, тут Серега однозначно прав...

С лязгом захлопнув люк, морпех ссыпался вниз по трапу, фыркая и отряхиваясь, словно угодивший под струю из поливального шланга дворовой кот, – в последний момент через палубу хлестнула очередная волна, опередив его буквально на каких-то пару секунд. Глупо вышло, теперь обсыхать придется.

– Давай вместе, одному несподручно, – прокомментировал возвращение Степана особист, уже распоровший финкой пропитанный кровью рукав бушлата. – Нужно верхнюю одежду стянуть. Придержи его, только руку раненую не держай.

Совместными усилиями товарищи освободили краснофлотца от мокрого бушлата. Раненый сдавленно шипел от боли, но сознания пока не терял, лишь по пергаментно-бледному, с нездоровой желтизной лицу скатывались крупные капли пота. В этот момент Алексеев его и узнал – это оказался тот самый матрос, что недавно приносил им чай. Пока контрразведчик, разодрав зубами прорезиненную оболочку, распаковывал перевязочный пакет, Степан заставил матроса сделать пару глотков спирта из фляжки – никакого другого обезболивающего и противошокового в наличии не имелось.

– Может, жгут наложить? Вон сколько крови.

– Не нужно, – отмахнулся Шохин, вполне профессионально накладывая тугую повязку. – Кость целая и крупные сосуды не затронуты. А что крови много, так и рана серьезная – бицепс, считай, напополам перерубило. Еще б сантиметр влево – и от плечевой кости одни осколки остались. Повезло, что до Геленджика близко, госпиталя там отличные, лучшие на всем побережье, глядишь, и сохранят руку.

– Точно руку не отнимут? – слабым голосом спросил раненый, мазнув по лицу особиста мутным взглядом. – Куда ж мне с одной-то?

– Наверняка, – отрезал тот, быстро переглянувшись с морпехом. – Готово. Давай, Степа, потащили в каюту, поскольку лазарета на этом линкоре, как я подозреваю, конструкцией не предусмотрено. Кстати, слышишь? Кончился бой, похоже, не стреляют больше.

– Кончился, – согласился старший лейтенант, со всей осторожностью – катер по-прежнему прилично болтало, хоть и меньше, чем в начале боя, – поднимая раненого на ноги. – Слышь, браток, а с кем мы только что воевали-то? Я там разглядел один кораблик, навроде нашего, только подлиннее. С этим, что ли?

– С ним, – согласился краснофлотец, обвиснув на плече морпеха и едва перебирая ногами. – Точнее, с ними, две штуки их было, они обычно парами ходят. Немецкий торпедный катер, «шнелльбот» по-ихнему. Серьезный корабль, водоиз-

мещением поболее нашего, потому и на волне устойчивей, и стреляет прицельнее. Они уж не впервой в этих местах за-сады устраивают. Ждут, когда мы с ранеными возвращаться станем, и нападают неожиданно. Сначала торпеды пускают, затем из скорострелок по палубам лупят, знают, что раненые в основном наверху размещаются. Не ожидали только, сволочи, что сегодня всего три «охотника» обратно пойдут, да еще и с эскортом – думали, как обычно, на сейнера с мотоботами поохотиться. Вот и получили ответочку.

– А до базы далеко?

– Да не, рядом уже, минут сорок ходу. Эти гады потому дальше и не суются, понимают, что еще с милю – и могут береговыми батареями со стороны Туапсе достать. Хоть и не попадут, понятно, ночью-то. Да и днем тоже не попадут, «шнелльботы» эти пошустрее нас по морю идут. Ты там не видал, браток, накрыли их наши?

– Может, и накрыли, кто ж его разберет? – без особой уверенности ответил Алексеев. – У одного на корме точно что-то горело, видать, куда-то попали. А второго я так и не разглядел.

С трудом протиснувшись в кубрик, Степан уложил краснофлотца на узкую койку, по-братски разделив соседнюю с контрразведчиком. Едва коснувшись горизонтальной поверхности, раненый вполне ожидаемо отрубился.

Стянув намокшую недокуртку, морпех зябко поежился, иронично сообщив:

– Ну, хоть помылся, а то пока обещанной тобой баньки дождешься...

– Очень смешно, – буркнул Шохин, ожесточенно оттирая перемазанные кровью руки куском найденной в коридоре ветошки. – Уж сколько лет на фронте, а к крови так и не привык.

– Брезгуешь? – осведомился старлей, привалившись к переборке и устало прикрыв глаза. Ответ товарища его, если начистоту, не особо и интересовал, но не молчать же?

– Да не в этом дело. Просто неприятно. Не противно, нет, а именно неприятно.

– Ну, значит, ты настоящий чекист, – хмыкнул Алексеев, не открывая глаз. – Про горячее сердце, холодную голову и чистые руки еще сам товарищ Дзержинский, помнится, говорил.

– Болтаешь много, – поморщился Сергей, тем не менее усмехнувшись самыми краешками губ. – Когда в базу придем, за языком следи, хорошо? Не нужно лишнего говорить. И вообще не по делу ничего говорить не нужно. Исключительно со мной и наедине.

– Договорились. Слушай, Серега, я вот чего заметил: ты и в анатомии, похоже, неплохо разбираешься – это-то откуда? Вас что, учат подобному?

– Да ну, глупости... – поколебавшись пару секунд, ответил капитан госбезопасности, видимо, решив, что никаких секретов не раскрывает. – Мать анатомию в мединституте

преподавала, потому и в доме и книжки соответствующие водились. А я интересовался, понятно дело. Надеюсь, врачем стану...

– Но ты избрал иную стезю, – понимающе кивнул Алексеев. – Ясенько. Вот, кстати, когда ты меня пистолетиком пугал, неужели реально стрелять бы стал? Нет, не хочешь – не отвечай, просто любопытно.

На сей раз Шохин задумался всерьез – неожиданный вопрос, похоже, поставил его в тупик:

– Скорее всего, не стал, конечно. Поскольку глупо. На нервах был – уж больно много ты всякого-разного порассказал. Да и куда ты с этой коробки денешься? Разве что и на самом деле за борт смоешь. Правда, в этом случае и мне следом сигать придется.

Степан, не сдержавшись, фыркнул:

– Ну, ежели по твоей логике судить, когда я все остальное расскажу, ты меня сразу же пристрелить должен будешь!

– Так, все! – окончательно пришел в себя контрразведчик, покосившись на пребывающего без сознания раненого. – С этой минуты и покуда на сушу не сойдем, больше ни слова!

– Вообще?

– Не юродствуй, прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ну, согласен?

– Да согласен я, согласен. Ну, а поскольку нам еще как минимум с полчаса до этой самой суши морем топать... Короче, спирта хочешь? От нервов, как говорится...

Геленджик, 10 февраля 1943 года

До Геленджика добрались перед самым рассветом, когда на море опустился плотный февральский туман. Сопровождавший переход эсминец догнал катера на подходе к бухте, вход в которую с севера и юга запирался двумя мысами, Тонким и Толстым, но внутрь заходить не стал, оставшись на рейде. Расправиться с обоими «шнелльботами» ему не удалось, но один из них, тот, на корме которого Степан заметил огонь, на дно все-таки отправил. Второй ушел, воспользовавшись преимуществом в скорости. Гоняться за ним никакого смысла не имелось – ни малейших шансов догнать катер, способный выдавать почти сорок узлов, не имелось в принципе. Да и оставить без прикрытия «морских охотников» капитан эсминца, имевший на этот счет не терпящий двоякого толкования приказ, понятное дело, никак не мог.

С прифронтовым (до Новороссийска отсюда меньше сорока километров по прямой) городом-госпиталем, по совместительству являющимся главной базой обеспечения всей Новороссийской группы войск, откуда и уходило большинство морских десантов, Степан познакомиться не успел.

Сначала торчал, выполняя строжайший приказ «даже носа на берег не казать» убежавшего по неотложным делам Шохина, на катере. Не один торчал – вместе с тремя осназовцами, столь выручившими в бою с егерями. Пока дожидался возвращения особиста, успел поближе познакомиться

с местной «спецурой», пересидевшей морской переход в одном из носовых кубриков. Старший группы, лейтенант Лапкин, оказался отличным парнем, как и остальные его бойцы. Морпех, понятно, особенно не откровенничал (иди знай, кем там его представил Шохин? Еще сболтнет что-нибудь не соответствующее легенде, потом хлопот не оберешься, да еще и Серегу подставит), но потрепались достаточно душевно. Степан вкратце рассказал про высадку под Южной Озерейкой, прорыв к Мысхако и закончившийся стычкой с горными стрелками разведывательный рейд по немецким тылам. Осназовцы в ответ поделились подробностями «спасательной операции», поведав, как засекли и ликвидировали вражескую засаду, после чего ударили егерям в спину. При этом старлей отлично осознавал, что бойцы задержались на борту отнюдь не из внезапно вспыхнувшего интереса к внутреннему устройству «малого охотника за подводными лодками» проекта «МО-4», а исключительно по его душу. Ненавязчиво присмотреть, так сказать. Но расстались, как принято говорить, друзьями...

Затем, когда контрразведчик вернулся на легковой автомашине, Алексеев с добрых полчаса трясся в тесном салоне легендарной «эмки», кружившей по улицам темного, со следами многочисленных бомбежек города. Наглухо задрапированные светомаскировкой окна жилых домов, оплывшие руины разрушенных бомбами зданий, проносящиеся мимо редкие огоньки – большего рассмотреть просто не удавалось.

Обидно, кстати: там, в *своем времени*, старший лейтенант в Геленджике ни разу не бывал, а теперь, так уж выходит, и в прошлом его не увидит. Ну, разве что попросить особиста устроить ему небольшую обзорную экскурсию – так ведь не согласится, перестраховщик, сошлется на секретность и прочих ненужный риск.

В том, что насчет этого самого риска контрразведчик вполне может оказаться прав, морпех убедился уже спустя пару минут. Внезапно завывли сирены воздушной тревоги, торопливо захлопали зенитные автоматы и пушки ПВО более крупного калибра, расцвечивая занавешенное низкими облаками небо короткими вспышками разрывов и рваными нитками трассеров.

Сидевший на переднем сиденье Шохин заковыристо выматерился, однако шофер со знаками различия сержанта ГБ лишь меланхолично пожал плечами, ни на миг не отвлекаясь от управления транспортным средством.

– Что-то рановато сегодня прилетели... Да вы не волнуйтесь, тарщ капитан, сейчас отгонят! Сперва зенитками шуганут, а уж после и истребители подключатся, у нас тут аэродромов хватает. Да и ехать нам всего ничего осталось, с пару минут буквально.

– Часто бомбят? – подал голос Степан, ощущая неприятную легкость под ложечкой. Что еще за... Неужто предчувствует какую-то пакость, как уже случалось раньше? Снова чуйка проснулась? Самое время, блин...

Где-то на окраинах гулко бумкнули первые разрывы; в ответ с новой силой заработали зенитки. Расслышать сквозь частую канонаду, до боли напоминающую первые минуты наступившего Нового года из его мира, гул немецких самолетов и свист падающих авиабомб, понятно, не удавалось. Вот только в том, что эти самые бомбы существуют и ложатся все ближе, старлей даже не сомневался. И лично под бомбежкой побывал, и хронику в интернете видел.

– Так практически каждый день, иногда и не по одному разу. Их в основном порт интересует, но и по госпиталям со всем старанием фугаски кидают, и по жилым кварталам. Фашисты же. Только мы уж привыкшие, бьем их в хвост и гриву, вон, все побережье обломками самолетов усеяно. Где крыло оторванное, где фюзеляж или хвост, есть даже парочка почти целых. Морячки гарнизонные с ними фотографироваться любят, на память. Хорошие карточки получаются, правильные.

«Эмка», заложив крутой вираж, влетела в распахнутые ворота, притормозив возле двухэтажного каменного дома.

– Вот и добрались. Спускайтесь в бомбоубежище, вход вон там, где часовой стоит. Я только машину под навес загоню и следом.

– Вперед! – рявкнул Шохин, первым распахивая дверцу. – Да не телись ты, старшой, живее давай! Ну?!

– Да бегу я, бегу, аж вспотел весь, – буркнул Степан, подхватывая с сиденья трофейный автомат – а больше у него

никакой поклажи и не имелось – и торопливо выбираясь наружу.

Рвануло где-то совсем неподалеку, буквально в квартале отсюда.

И практически сразу еще раз, гораздо ближе – настолько, что даже земля под ногами вздрогнула, упруго ударив в подошвы ботинок. А вот это уже плохо, хреново даже: по городу определенно работают не пикировщики, а обычные бомберы, кидающие свои фугасные подарки с приличной высоты. И не прицельно, а вываливая их целыми сериями. И если первые бомбы легли позади, ударив вдоль улицы, то следующие... да твою ж мать! Быстрее!

Шохин споткнулся, когда до входа в подвал оставалось буквально метров десять. Попытался удержать равновесие, но не преуспел, плашмя растянувшись на изборожденном трещинами асфальте двора и выронив пистолет-пулемет, с лязгом отлетевший куда-то в сторону.

Дальнейшие события, не занявшие и нескольких секунд, отложились в памяти Алексеева нарезкой отдельных кадров, никак не связанных друг с другом: крутнувшись на месте, он в три прыжка оказывается возле товарища, подхватывая того за топорщащиеся над бушлатом ремни портупеи. Рывок – и контрразведчик снова на ногах. Еще один – и они сокращают расстояние до спасительного спуска вдвое. Метров пять, даже меньше. Сергей что-то кричит, кажется, требует бросить его и прятаться. Часовой у входа кидается навстречу, наме-

реваясь помочь – дурак, неужели не слышит пронзительного воя падающей бомбы?! Или нет никакого воя и никакой бомбы, а все это – просто морок обостренного опасностью подсознания? Три метра. Все, похоже, успел: впихнув особиста в темный проем (хоть бы ноги на лестнице не переломал, не может же там лестницы-то не быть, подвал ведь?), Степан посторонился, пропуская ошалевшего от всего происходящего часового. Потеряв при этом еще полторы секунды.

ДУ-ДУМММ!

Поршень спрессованного взрывной волной воздуха ударил в спину, внося старлея в проем подвального входа и обрушивая на спину спускающегося часового. Следом стега нуло каменным крошечком, ворвался мощный клуб мутного дыма, ноздри забила едкая вонь сгоревшей взрывчатки. Сорванную с петель створку двери впечатало в боковую стену, круша штукатурку и кирпичи дореволюционной кладки.

«А ничего так полетал, – скользнула самым краешком сознания мысль. – Ни хрена ж себе у меня везение, даже в родном тылу сразу же в проблемы вляпаться ухитрился. Не, точно, неправильный я попаданец, однозначно...»

Глава 3. Сочинение на заданную тему

Геленджик, 10 февраля 1943 года

Сознания Степан на этот раз не терял.

Да и часовой смягчил падение, поэтому больше всего досталось контрразведчику, на которого они навалились уже вдвоем. Так что куча-мала из трех человек внизу небольшой, ступеней в десять лестницы, вышла что надо.

– Может, слезешь уже с меня? – язвительно буркнул Шохин, немилосердно пихая старлея в бок. – Экий ты здоровый, ни вздохнуть, ни выдохнуть! Девка я тебе, что ли, чтобы на мне валяться? Ну, кому сказал?

– Сейчас, Серега, – помотал гудящей после взрыва головой Алексеев, боком сползая на усыпанный мелкими обломками бетонный пол.

– Кому Серега, а кому – и товарищ капитан, – менторским тоном сообщил тот, с кряхтением прислоняясь к стене. – Разговорчики, понимаешь...

– Виноват, товарищ капитан государственной безопасности. – Старлей сдвинулся в противоположную сторону, ощутив спиной шероховатую кладку. Протянув руку, помог сесть потихоньку приходящему в себя часовому, ошарашенно мотавшему головой. – Больше такого не повторится.

– Автомат мой не видал?

– Снаружи остался, по ходу, как раз там, где бомба рванула. Сходить поискать? Глядишь, что-нибудь да осталось. Главное, чтобы серийный номер разобрать можно было.

– Сидеть! – рявкнул Шохин, до которого не сразу дошло, что товарищ шутит. – Юморист, бя! Все, потопали в убежище, не ровен час снова бомба упадет... и это, помоги, что ль, подняться, похоже, колено зашиб...

– Давай. – Степан поднял сдавленно шипящего от боли контрразведчика на ноги, протянул оброненную планшетку с лопнувшим ремешком, в которую тот вцепился, словно тонущий – в спасательный круг. Ну, оно и понятно: хрен с ним, с «ППШ», новый выдадут, невелика потеря, но потерять драгоценные бумаги для Шохина было смерти подобно. А в том, что помимо прочитанных им отписок Левчука с Аникеевым там находится и еще что-то не менее важное, старлей ни секунды не сомневался. Поскольку ни разу не идиот и все прекрасно понимает.

– А еще одной бомбы не будет, отработали фрицы. Это ж не «лаптежники», прицельно не бомбят. Вывалили, что в бомболюках имелось, да и улепетывают к своим. Ну, или падают, ежели зенитчики не сплеховали. Двигай первым, я парню помогу, его, похоже, сильно приложило.

Не дожидаясь ответа, морпех подхватил караульного под мышки, поднимая в вертикальное положение. Легонько потряс:

– Браток, ты как вообще? Очухался?

– Н...нормаль...но, – слегка заторможенно выдавил тот, отирая рукавом струящуюся из носа кровь. Подернутый поволокой взгляд бойца откровенно плавал – видимо, и на самом деле прилично ударился головой. – Где... мое оружие?

– Милитаристы, блин, – беззлобно фыркнул Степан, подбирая с пола карабин. – Держи свой винтарь. Да не нужно его на плечо закидывать, обопрись, как на костыль, и топай за товарищем капитаном. Вот так, молодец...

Убедившись, что Шохин скрылся в узком проеме и не станет возмущаться его действиями и потрясать пистолетом, морпех метнулся вверх по лестнице. Высунувшись, быстро огляделся, оценивая масштаб постигшей двор местной контрразведки – ну, а куда его еще привезли, не в обещанную же баньку? – катастрофы. Практически по центру курилась дымом обрамленная пластами вывороченного асфальта и земли воронка. Окна в здании вынесло начисто, местами вместе с рамами и выполнявшими функции светомаскировки ставнями; землю усеивали обломки черепицы и битый кирпич. А в нескольких метрах лежала на боку давешняя «эмка», весь левый борт которой вмят внутрь, словно после столкновения с тяжело нагруженным самосвалом.

Вымахнув наверх, Алексеев рванулся было к автомашине, намереваясь помочь словоохотливому сержанту, однако почти сразу же и остановился, разглядев то, чего не мог видеть раньше. Сдавленно выматерившись, торопливо отвел глаза

и повернул обратно. Жаль парня, нужно было не тачку спасать, а себя. Но что уж теперь – в пяти метрах от эпицентра не выживают, особенно когда взрывается авиабомба весом килограммов в сто, если не больше. Вон как рваный металл топорщится, машину не только ударной волной приложило, но еще и осколками в полный хлам изрешетило...

Внутри бомбоубежище оказалось самым типичным подвалом, какие обычно и встречаются под зданиями дореволюционной постройки – сложенный из светлого местного камня сводчатый потолок и стены, несколько массивных перегородок, выполнявших роль несущих опор. Как именно его использовали до войны, Степан понятия не имел – возможно, хранили уголь или дрова для печей или сносили какую-то отслужившую свое рухлядь, но сейчас ничего лишнего внутри не наблюдалось. Только сколоченные из толстых досок грубые нары-лежанки вдоль стен, на которых ютилось с полдесятка человек, все как один в военной форме. Насколько понимал старлей, персонал местной контрразведки. Не весь, понятно, а лишь те, кому не посчастливилось заночевать на рабочем месте. Под потолком горела пара тусклых электрических лампочек в решетчатых плафонах, света которых едва хватало, чтобы размывать царящую в подземелье темноту.

– Вернулся? – мрачно осведомился сидящий на ближайшей от входа лавке Шохин. – Все-таки наверх лазил? А на мой приказ тебе, значит, наплевать?

Морской пехотинец неопределенно пожал плечами, тяже-

ло опускаясь рядом с контрразведчиком. Уложив на колени автомат, устало оперся спиной о стену. Спать, несмотря на раннее утро, хотелось просто неимоверно, пожалуй, даже больше, чем есть. Хоть сведенный голодом желудок как скрутило еще на катере, так и не отпускало.

– С Федором что? Живой?

– Федор – это тот шофер, что нас сюда привез? – не поворачивая головы, осведомился старлей. – Если да, то нет его больше, погиб. Бомба совсем рядом рванула, он как раз разворачивался. Машина всмятку, а его чуть не напополам разорвало. Зато не мучился.

– Понял, – закаменел лицом Сергей. – Жаль, отличный парень был, давно его знаю... знал. А со зданием как? Сильно пострадало?

– Прилично. Окна, считай, по всему фасаду вышибло, да и крыше досталось. В комнатах, полагаю, тоже не шибко весело, особенно на первом этаже.

Помолчав пару секунд, контрразведчик смущенно добавил, легонько пихнув плечом старшего лейтенанта:

– Слушай, Степа, тут такое дело... спасибо тебе, короче говоря. Ты ж мне, как ни крути, жизнь спас.

– Да кушайте на здоровье, – хмыкнул морпех. – Ты мне, кстати, тоже – там, в лесу. И не мне одному. Сами мы с теми егерями никак бы не управились. Так что квиты.

– Все шутишь? – подозрительно покосился капитан госбезопасности.

– Вот как раз сейчас говорю абсолютно серьезно, серьезнее некуда. Короче, не парься, нормально все.

– Ну, тогда ладно. А «не парься» – это вот чего значит? Присказка такая? Или ты снова на баньку намекаешь?

– Да какая уж сейчас банька. Просто выражение такое, означает «не переживай» или «не беспокойся». Оттуда, из моего вре... о-ох!..

С силой врезав локтем под ребра, Шохин зло зашипел в ухо:

– Совсем сдурел?! Говорил же, за языком следить и лишнего не болтать!

– Да кто нас тут... ладно, понял я, понял, хватит пихаться! Все, молчу, как рыба об лед!

– Вот и молчи, покуда другого приказа от старшего по званию не поступит, – зло буркнул особист, тут же, впрочем, и остывая. – Все, потопали наверх, отбой тревоги...

* * *

Несмотря на трагически начавшееся утро, следующий час оказался для Степана поистине лучшим за всю проведенную в прошлом неделю. Нет, обещанной бани он, понятно, не дождался, однако нормально вымыться все-таки удалось, причем достаточно горячей водой. Пока шумно плескался в местном санблоке, по счастью, не пострадавшем от бомбежки, яростно, до красноты сдирая с кожи многодневную

грязь, Шохин принес сменку взамен задубевшей от пота и намертво въевшейся морской соли и уже откровенно пова-нивающей одежды. Нижнее белье (здесь его называли «ис-подним»), общевойсковая гимнастерка с галифе, стеганые брюки и легендарный ватник. Все новенькое, определенно не ношеное, с характерными заломами от долгого лежания на складе. Ко всему этому изобилию прилагались черный флот-ский бушлат, ушанка, вещмешок, перчатки и даже офицер-ская портупья без кобуры, поскольку своя имелась.

Окончательно потерявшие былой вид камуфляжные шта-ны контрразведчик безо всяких разговоров забрал с собой – Степан примерно догадывался, с какой именно целью, по-тому и спорить не стал. В принципе, понятно, там и на са-мом деле штампик характерный имеется, с названием фаб-рики, размером и, самое важное, годом выпуска. Какое-ни-какое, но все ж таки тоже доказательство его «иновремен-ного» происхождения. Да и к чему морпеху это рванье, дав-ным-давно честно отслужившее свой срок? А вот тщательно выстиранную серым хозяйственным мылом тельняшку осо-бист разрешил оставить – особого интереса для госбезопас-ности она, вероятно, не представляла. Берцы, после недол-гого спора, тоже, поскольку переобуваться в местные сапо-ги или ботинки не тянуло совершенно – как и любой успе-вший достаточно долго послужить человек, Алексеев хорошо знал цену удобной и разношенной обуви. В неподходящих по размеру ботинках далеко не уйдешь и боевое задание не

выполнишь: боец со сбитыми в кровь ногами – уже не боец, это азы. Правда, вместо привычных носков пришлось накрутить на ноги байковые портянки, но по сравнению со всем остальным это казалось сущей мелочью...

Разобраться со всей этой грудой доставшихся на халяву шмоток удалось достаточно быстро, хоть многие элементы обмундирования (особенно полное отсутствие привычных «липучек» и застёжек-«молний») поначалу и заставили почесать затылок. Но справился, моментально ощутив себя впервые посетившим каптерку новобранцем, – необмятая форма сидела как на корове седло, топорщась везде, где только можно и нельзя. А ведь это он еще ватник с бушлатом не надевал! Хотя полузабытое ощущение чистоты откровенно *доставляло*. Теперь бы еще бритву отыскать, поскольку недельная щетина, знаете ли, отнюдь не элегантная небридность а-ля Брюс Виллис – да и чешется, зараза эдакая, нещадно. Хорошо, стричься не нужно, перед самыми маневрами посетил парикмахерскую: знакомиться с местными механическими машинками не хотелось от слова совсем.

Кстати, любопытно, а новомодные погоны ему что, не положены? Как-то непривычно с голыми плечами служить – раньше об этом просто не думалось, поскольку не до того было, а вот сейчас пришло в голову. О том, что он старший лейтенант, куча народа в курсе – вот и нужно поддерживать легенду. Впрочем, разберемся, наверняка у контрразведчика и на сей счет свои идеи имеются.

Шохин дожидался старшего лейтенанта, сидя на табурете в коридоре. Оглядев преобразившегося морпеха, мрачно буркнул:

– Ну, вот, хоть на человека стал похож. По-крайней мере, в первом приближении. Что так долго, быстрее не мог?

Алексеев хмыкнул:

– Ну, так, ежели бойцу предоставляется возможность нормально помыться, разве ж он ее упустит? А мы что, куда-то спешим? Мне б еще побриться, а то чистый партизан, а не кадровый офицер. Да и перекусить, откровенно говоря, не мешает, кое-кто, не будем тыкать пальцем, обещал накормить от пуза.

– Ох, сколько ж ты все-таки болтаешь, – вздохнул контрразведчик, размышляя о чем-то своем. – Ладно, сейчас организуем что-нибудь, у меня тоже со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Разносолов не обещаю, но горяченького точно поедем. Согласен?

– Кто бы спорил, только не я, – пожал плечами Степан, подхватывая сидор и верхнюю одежду. На душе было на удивление спокойно, едва ли не впервые с того момента, как он вынырнул из ледяной воды под Южной Озерейкой. Глупо, конечно, но все ж таки: несмотря на недавнюю бомбардировку, вокруг, как ни крути, *свои* и не нужно ежесекундно ждать какой-нибудь внезапной подлянки вроде фашистской пули или снаряда. Какой-никакой, а все же тыл. Еще бы поспать хоть немного, можно даже и на голодный желудок...

Сбившись с шага, морпех потряс внезапно потяжелевшей головой: блин, с чего это его так накрыло? Похоже, догнала-таки накопившаяся за эту сумасшедшую неделю поистине нечеловеческая усталость, и горячая вода оказалась последней каплей...

Додумать мысль Алексеев не успел. В глазах потемнело, и его откровенно повело в сторону. Старлей тяжело привалился к стене, из последних сил пытаясь не потерять сознание, не вырубиться прямо так, стоя.

Изменившийся в лице особист подскочил, не позволяя упасть. Подхватив под мышки, аккуратно опустил на пол:

– Степа, ты это чего?! Что случилось? Плохо, да?

– Да ничего со мной не случилось... пройдет. Просто устал, наверное, выспаться нужно.

– Точно? Может, медиков позвать? Только где ж я их тут сыщу-то?

– Да какие медики... сказал же, сейчас попустит...

Встревоженная физиономия контрразведчика окончательно расплылась, в животе стало до тошноты щекотно, и Алексеев все-таки отрубился...

В свой первый «взрослый» поход Степан пошел рано, лет в двенадцать. Пошел вместе с отцом и несколькими его армейскими товарищами. Конечно, несколькими годами позже будущий морпех понял, что называть собственно «походом» двухдневную пешую прогулку по невысоким местным горам достаточно смешно, но все необходимые атрибуты тем

не менее присутствовали. И ночевка в палатке у загадочно журчащего всю ночь горного ручья, и тяжесть рюкзака, роль которого выполнял до белизны выгоревший под афганским солнцем батин РД-54, и кажущиеся бесконечными переходы между привалами, и ни с чем не сравнимый запах свежеприготовленной на костре гречки с тушенкой...

...который, словно явившись напрямиком из детских воспоминаний, и привел морпеха в чувство...

Не открывая глаз, Степан поерзал, убеждаясь, что лежит вовсе не на жестком полу коридора, где он столь позорно вырубился, а на чем-то куда как более комфортном и мягком. Судя по негромкому скрипу пружин – на самой настоящей кровати. Да и под головой определенно подушка, тоже самая настоящая. Поскольку щекочущий обоняние восхитительный аромат, против воли заставляющий рот наполняться голодной слюной, никуда не делся, старлей решил, что самое время окончательно возвращаться в реальность. А то иди знай, как оно дальше будет? Конечно, не исключен вариант, что это – не более чем продолжающийся сон-воспоминание о счастливом детстве... ну, так и фиг с ним. Хоть во сне пожрет по-человечески, впервые за хрен знает сколько дней...

Мельком подивившись странноватой логике собственных мыслей, Алексеев повернул голову и осмотрелся. Неярко освещенная комната с высоким потолком, по центру которого – нет, вовсе не люстра, просто лампочка под полукруглым

абажуром, сейчас выключенная. Пара плотно занавешенных тяжелыми светомаскирующими шторами окон. А свет тогда откуда? Ага, настольная лампа, в полном соответствии с названием стоящая на краю стола. Самого обычного двухтумбового письменного стола, разве что излишне массивного, как и принято в этом времени, когда еще не экономили на материалах и вещи делались если и не на века, то уж на парочку поколений – точно. Ну да, ведь даже само понятие «общество потребления» с его одноразовыми вещами появится только спустя добрых полвека...

Возле лампы – круглый солдатский котелок, накрытая салфеткой, под которой угадывается что-то угловатое, видимо, нарезанный ломтями хлеб, тарелка и алюминиевый чайник. Ну, и финальным штрихом внушающего нешуточный оптимизм натюрморта «кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста» – уткнувшийся лбом в сцепленные руки капитан госбезопасности, очень на то похоже, в этой позе и задремавший. Прикинув, что если локти Шохина вдруг разъедутся, то головой он неминуемо сбросит на пол котелок, да еще и об чайник умным лбом приложится, Степан решил обезопасить товарища от столь печальной участи. Тем более под угрозой уничтожения оказался его собственный то ли завтрак, то ли обед. «Или ужин, – подсказал отоспавшийся вместе с хозяином внутренний голос. – Ты ж не в курсе, сколько времени продрых? И на часики не поглядишь, поскольку нету их, фрицы сперли, клептоманы евроейские».

Кстати, любопытно, что это за помещение такое? Как на первый взгляд, так определенно рабочий кабинет, что подтверждается и наличием этого самого стола, и нескольких стульев, и книжного шкафа у дальней стены. Но откуда тут, в таком случае, эта кровать, куда более уместная в спальне или армейской казарме? А тут куда как более уместным оказался бы какой-нибудь массивный кожаный диван, словно в старых фильмах «про войну»... Впрочем, ему-то не все равно? Ну, кровать, ну, в рабочем кабинете... Может, хозяин этого самого кабинета – уж не Шохин ли? – тут днюет и ночует, у госбезопасности рабочее время не нормированное, война ведь идет, а дивана не нашлось, вот и притащили, что на складе имелось.

Решительно сев на протяжно заскрежетавшую койку, Алексеев убедился, что он по-прежнему в гимнастерке и галифе. А вот берцы с него кто-то стянул, аккуратно пристроив рядышком и накрыв портянками.

Разбуженный шумом контрразведчик поднял голову, с силой проведя по лицу ладонью.

– А, очнулся, наконец? Хорош же ты дрыхнуть, старлей, завидую прямо! Почти пять часов как с куста, только похрапывал. Выспался?

– Да, пожалуй что... – тактично отозвался морпех, прислушиваясь к собственным ощущениям. Последние откровенно радовали: похоже, он и на самом деле отдохнул. Причем куда лучше, нежели в палатке санбата, где он познако-

мился с одной из легенд Малой земли, санинструктором Тамарой Ролевой. Той самой, которой Аникеев собирался подарить доставшийся от «хера майора» трофейный пистолет. И неважно, что там он провалялся в отключке куда дольше, почти половину суток: тогда была контузия или просто сработавший от перенапряжения «внутренний предохранитель», а сейчас – полноценный сон, да еще и на нормальной постели. Так что чувствовал себя Степан вполне выспавшимся и полным сил.

Вот только голод так никуда и не делся, наоборот, усилился, подстегнутый заманчивым запахом. Который, очень хотелось надеяться, ему все-таки не приснился.

– Ну и хорошо, тогда обувайся да двигай к столу, – широко зевнув, сообщил Шохин. – Каша еще не совсем остыла, я ее меньше получаса назад притащил. В тарелке хлеб, а кипяточку я сейчас нового раздобуду, горячего чаю вместе поьем. А после уж за работу.

– За работу? – возясь со шнурками, без особого интереса осведомился старлей.

– А ты как думал? – пожал плечами контрразведчик, поднимаясь на ноги. – Я тебе и бумаги чуть не целую пачку раздобыл, и прочие, так сказать, писчие принадлежности. Так что придется все то, о чем ты мне на катере рассказывал, в печатном виде изложить. Ну, и все остальное, что знаешь и помнишь, разумеется, тоже. Кстати, карту я тоже принес, подробнейшим образом отметишь все касающееся летнего

танкового сражения. Отдохнуть ты отдохнул, сейчас еще и покушаешь. Да и времени-то всего пять вечера. Не против, надеюсь?

– Не против, – тяжело вздохнув, смирился с неизбежным морской пехотинец. И добавил вдогонку внезапно пришедшей в голову мысли: – Слушай, Серега, а пишущей машинки тут не имеется? Может, я сразу напечатаю?

На самом деле на печатной машинке старлей никогда не работал да и видел в реальности буквально пару раз, просто прикинул, что ее клавиатура, скорее всего, должна худо-бедно соответствовать обычной компьютерной раскладке. Вроде бы даже в интернете о чем-то подобном краем глаза читал. Так что и время сэкономит, и проблем с его, мягко говоря, не шибко разборчивым почерком не будет. Ну, теоретически, понятно...

– То есть ты и на пишмашинке работать умеешь? – Шохин, покачивая чайником, замер возле двери.

Никакого недоверия в его голосе не отмечалось. Приняв как должное тот факт, что Алексеев, скорее всего, и на самом деле попал сюда из нереально далекого будущего (кое-какие сомнения и нестыковки, понятно, имелись, но озвучивать их капитан *пока* не спешил, поскольку всему свое время), капитан госбезопасности вполне допускал, что тот знаком с большинством технических приборов прошлого. Вон, как ту же «Энигму» с ходу опознал! Ну, не может же так случиться, чтобы там, в будущем, где технический прогресс наверня-

ка достиг поистине немыслимых высот, кадровый офицер не был обучен пользоваться обычной пишмашиной?! Даже он умеет – правда, всего двумя пальцами по клавишам барабанит, – но умеет же? А у них эти самые машины, поди, и вовсе какие-нибудь электрические. Сунул вилку в розетку и пиши хоть рапорт, хоть мемуары! Кстати, любопытно, свершилась у них в двадцать первом веке Мировая революция или пролетариат все еще борется с гнетом капитала и прочего империализма? На катере спросить об этом как-то ни времени, ни возможности не имелось.

– Ну, как сказать... – смутился морпех, даже не подозревая, о чем размышляет контрразведчик. А если бы каким-либо образом узнал, то сильно напрягся, пожалуй, даже с приставкой «очень». Поскольку даже приблизительно не мог представить, как отреагирует Шохин на информацию о том, что его страны больше просто не существует. Там, на борту «морского охотника», Степан по всей форме так и не представился, просто к слову не пришлось – сначала его неожиданное признание, затем непростой разговор и внезапная атака немецких торпедных катеров. И непонятное с точки зрения советского офицера сороковых годов словосочетание «Российская Федерация» вместо привычного «РСФСР» так и не прозвучало...

– Ни разу не пробовал, если честно. Просто, понимаешь, у нас есть такие электронные... гм... электрические устройства, компьютеры называются, и у них клавиатура похожа...

ну, скорее всего похожа, на ваши... — Окончательно запутавшись, Степан обреченно махнул рукой. — Короче, ладно, забудь. Это я, по ходу, глупость сказал. Не нужно никакой машинки искать, лучше и на самом деле от руки напишу, так оно надежней выйдет, да и быстрее, скорее всего.

— Как знаешь, — с видимым облегчением ответил Сергей. — Ты это, кушай давай, пока вовсе не остыло! А я чаек органирую. Только из комнаты ни ногой, договорились? Я быстро.

— Добро, — не стал спорить Алексеев, присаживаясь к столу. Пододвинул поближе котелок с торчащей из него ложкой, взял с тарелки кусок нарезанного аккуратными прямоугольниками сероватого хлеба.

И неожиданно подумал, что если вот прямо сейчас вдруг снова завоет сирена воздушной тревоги, он даже не подумает подниматься с места и топать обратно в бомбоубежище. Как минимум до того момента, пока не выскоблит до доньшика этот самый котелок, столь умопомрачительно пахнущий обильно сдобренной мясом и сливочным маслом гречневой кашей...

Глава 4. Решение

Геленджик, 11 февраля 1943 года

Сказать, что капитан госбезопасности Сергей Анатольевич Шохин был ошарашен обрушившимся на него *знанием*, – значит не сказать ничего. Он был им раздавлен. Особенно последним десятком исписанных не особо аккуратным, но более-менее разборчивым почерком страниц. Тех самых, которые старлей Алексеев озаглавил непонятным словосочетанием «перестройка, гласность и последующие события». Дочитав и спрятав в сейф бумаги и блокнот, где он делал необходимые для дальнейшей работы пометки, контрразведчик с трудом подавил желание немедленно вытащить из кобуры пистолет. И то ли застрелить Алексеева (чтобы больше никому ничего не рассказал), то ли застрелиться самому (поскольку тошно и вообще непонятно, к чему дальше жить), то ли совершить оба этих действия последовательно, благо патронов хватит.

Вместо этого он вытащил из ящика стола початую бутылку водки, налил полстакана и махнул залпом, даже не ощутив вкуса. Подойдя к окну, закурил, сдвинув в сторону светомаскировку и приоткрыв форточку с треснувшим во время одной из бомбежек стеклом – уже почти рассвело, так что на этот счет можно было не волноваться. Или «не париться», как говорил спящий в соседнем кабинете гость из буду-

щего. Выбросив на улицу докуренную папиросу, Сергей вернулся за стол. Налил еще немного водки и выпил, на сей раз в полной мере ощутив и вкус, и обжигающую горечь крепкого алкоголя. Задумался. Что ж, теперь можно сказать абсолютно точно: Алексеев однозначно не вражеский шпион. Поскольку за перечисленную в его «рапорте» информацию о пока еще не свершившихся сражениях и послевоенном мироустройстве любая разведка, хоть фашистская, хоть союзников (о которых старлей, как выяснилось, не шибко высокого мнения – одни только планы Черчилля по развязыванию летом сорок пятого года войны против Советского Союза чего стоят!), заплатит какую угодно, даже самую высокую цену.

Может, он просто сумасшедший? В конце концов, как минимум две подтвержденные контузии у Алексеева точно были – поди пойми, как его мозг после подобной встряски работает? Говорят, настоящие психи полностью верят в свои фантазии, к тому же отличающиеся отменной, не придерешься, логикой. Нет, вряд ли – ну, не тянет Степан на сумасшедшего, никак не тянет! Уж чему-чему, а разбираться в людях Шохина учили, и учили хорошо – для человека его профессии это, можно сказать, азы.

Взглянув на запертый сейф тоскливым взглядом, Сергей тяжело вздохнул. Нет, старлей не сумасшедший, нечего даже надеяться. И все, что лежит за этой металлической дверцей, – ПРАВДА. Страшная, чудовищная даже – но одновре-

менно и многообещающая. Ну да, точно, как же он сразу об этом не подумал?! Как там древние говорили – «предупрежден – значит вооружен»? Нужно срочно отправить сведения в Москву, в главное управление. Если там тоже *поверят*, если прислушаются, если решатся принять необходимые меры...

Шохин зло выматерился себе под нос. «Если, если, если...» твою мать, какое еще может быть «если», когда на кону вся будущая судьба его страны, его Родины?!

Приняв решение, капитан зазвенел ключами, снова отпирая сейф. Вытащив пухлую папку, запихнул ее в плотный водонепроницаемый пакет для спецдонесений, отправил туда же несколько густо исчерканных разноцветными значками топографических карт, заклеил и опечатал. Набросал короткую сопроводительную записку – вполне безобидную на первый взгляд, но содержащую все необходимые «секретки», понятные исключительно посвященным, да и то не всем. Конечно, стоило бы написать и развернутый рапорт, но на это уже просто не оставалось времени. Да и смысл? Если информацией *заинтересуются*, и без рапорта сойдет, если же нет?

Вот тогда ему придется очень долго отписываться, объясняя, отчего вообще посмел поверить подобной ереси, да еще и отправил ее, минуя соответствующие инстанции, напрямую самому наркомвнуделу. И доказывать, что в его действиях не имелось как минимум не соответствующей занимаемой должности недальновидности, а то и вовсе некое-

го, гм, *умысла*. Поскольку в этих документах, помимо всего прочего, упоминались еще и вполне реальные фамилии, порой весьма *непростые*... И вовсе не факт, кстати, что после всего этого он останется в прежнем звании и на прежнем посту – легковых в контрразведке не держат, не та, знаете ли, организация. Но в Москву его при любом развитии событий однозначно вызовут, причем не одного, а вместе со старлеем.

Единственное, что Сергей все-таки сделал (не без серьезных колебаний, но тем не менее), прежде чем запечатать пакет, – изъяс из папки всего одну страницу. Мысленно порадовавшись, что неискушенный в подобных делах Алексеев даже не подумал их пронумеровать. Аккуратно сложив исписанный чуть больше чем наполовину листок вчетверо, убрал в нагрудный карман – оставлять в сейфе не хотелось, пусть уж лучше при нем пока побудет, так оно как-то надежнее. Да и уничтожить, в случае чего, можно быстро – всех делов только скомкать да зажженную спичку поднести. Нужно будет еще и морпеха предупредить, чтобы об ЭТОМ не болтал. Поскольку дата смерти САМОГО – это вам не фунт изюму, это, знаете ли, вообще не пойми что. Да и касательно Лаврентия Павловича там тоже кое-какая информация имелась, не самая, скажем так, оптимистичная. И что со всем этим делать, он пока не решил...

Скрученные в тугую скатку и перевязанные бечевкой грязнющие камуфляжные штаны с соответствующей поясня-

ющей биркой решил пока оставить в сейфе – тут старлей прав, никакое это не серьезное доказательство. Если начнут *разбираться*, предъявит, уж больно там штампик на изнанке любопытный, если же нет... ну, понятно.

Подняв трубку внутреннего телефона, Шохин вызвал дежурную машину. Выйдя в коридор, призывно махнул сидящему у соседней двери сержанту госбезопасности:

– Саш, я на аэродром. Если наш гость проснется до моего возвращения и захочет по нужде или умыться, там, проводишь. За старлея отвечаешь головой. Во всех смыслах.

– Так точно, – торопливо вскочив, кивнул тот. – А во всех смыслах – это как?

– Это так, – отрезал Шохин. – Пусть сидит и ждет меня. Все перемещения по зданию – исключительно в твоём присутствии. Только не перегибай, парень он резкий, еще и контуженый, почти неделю по фашистским тылам со своими разведчиками бегал, может и кулаками начать махать. И шансов у тебя при этом, честно скажу, не шибко много. Так что помягче с ним, иначе осерчаю.

Больше не глядя на озадаченного странным, а где-то даже и противоречивым приказом подчиненного, Сергей завернул за угол, без стука заглянув в кабинет, где временно квартировали осназовцы.

Кивнул лейтенанту Лапкину:

– Леха, на два слова. Вольно, товарищи бойцы, я не по вашу душу. Отдыхайте.

– Слушаю, тарщ капитан?

– Одевайся, едем на аэродром.

– Оружие, экипировка? – не проявив ни малейшего удивления, уточнил лейтенант, скрывая зевок – легли бойцы поздно, весь вчерашний день помогая разбирать завалы в разгромленных взрывной волной кабинетах и забивая досками и фанерой выбитые окна – хозяйничали, одним словом.

– По полной. Летишь в Москву с грузом, насколько помню, ночью как раз самолет прибыл, на нем и отправишься. Все подробности позже. У тебя три минуты. Хватит?

– Нормально, успею. Ребят поднимать? Или сам?

– Сам. Собирайся, жду внизу...

Осназовец появился спустя две с половиной минуты – как раз и машина подъехала. Не покореженная взрывом «эмка», в совершенно неремонтопригодном состоянии оттащенная в угол двора, понятно, а самая обычная полуторка, поскольку никакого другого транспорта в этот час просто не нашлось.

Оглядев бойца – двухцветная маскировочная «амеба» поверх стеганого зимнего комплекта, пистолет-пулемет, кобура с ножнами на поясе, брезентовые подсумки под запасные магазины и гранаты, – контрразведчик одобрительно кивнул. А в сидоре наверняка еще и белый маскхалат имеется – на тот случай, ежели снег все ж таки выпадет. Странноватая, конечно, экипировка для летящего в расположенную в глубоком тылу столицу пассажира, однако Шохин старался предусмотреть любой вариант развития событий. Даже тот, когда

придется... впрочем, об этом, как он и обещал лейтенанту, позже...

По-прежнему ничего не объясняя, капитан госбезопасности уселся рядом с водителем. Алексей, тоже не задавая лишних вопросов, забросил в кузов вещмешок и, оттолкнувшись ногой от колеса, лихо сиганул через борт, устроившись на жесткой лавке позади кабины. Скрежетнув передачей, полуторка тронулась, неспешно покотив по узкой улочке в сторону одного из расположенных за городской чертой полевых аэродромов.

Успели вовремя, как и рассчитывал Шохин – транспортный Ли-2 еще только начинал прогревать моторы, готовясь к вылету. Неподалеку стояла пара истребителей прикрытия, пилоты которых еще даже не успели занять кабины, вместе с техниками добывая «крайние» перед стартом папиросы. Коротко переговорив с командиром экипажа (тот лишь пожал плечами, мол, какие проблемы, все одно полупустыми идем, хоть пятерых возму), Сергей отвел осназовца в сторону:

– Короче так, Леша. Слушай внимательно и запоминай, повторять времени нет. Когда приземлитесь на «Чкаловском», найдешь любую машину и двинешь в Москву, сразу на площадь Дзержинского. Объяснять, куда конкретно, надеюсь, не нужно? Вот и хорошо. С той бумагой, что я дал, тебя везде пропустят и во всем помогут. Никому ничего не объяснять, груз ни при каких обстоятельствах досматривать не позволять, за целостность печатей отвечаешь лично. Как

именно обеспечить безопасность пакета – на твое усмотрение. Разрешаю любые действия, вплоть до применения оружия. Добиваться личной встречи с товарищем народным комиссаром или его заместителем. Но лучше первое, так оно надежней выйдет. Вскрыть пакет имеют право только они – и больше никто! Ну, за исключением товарища Сталина, понятно. – Сергей улыбнулся, давая понять, что последняя фраза – все-таки шутка.

– Да кто ж меня к самому пустит?! – Вот теперь осназовец наконец удивился по-настоящему. Настолько, что аж челюсть откровенно отвесил.

– Пустят, – криво усмехнулся Шохин. – Я же сказал, все что нужно в документе есть. Кому следует – поймут. А если сами не поймут, вызовут тех, кто окажется в курсе. А уж те разберутся.

– Что ж это за груз-то такой волшебный, что его аж самому товарищу наркому надобно лично в руки передать? – с тоской буркнул лейтенант, только сейчас осознав, во что его так или иначе втравил контрразведчик.

– Знать, что в этом пакете, тебе не нужно, Леша, – мягко ответил Шохин, пристально взглянув бойцу в глаза. Взгляд тот, понятно, выдержал. – Поскольку себе дороже. Твое дело маленькое, доставить и передать. Но есть одно «но». У тебя, насколько понимаю, гранаты имеются?

– Так точно, сами ж распорядились по-боевому экипироваться.

– Тогда слушай последний приказ. В случае угрозы захвата противником пакет необходимо уничтожить. Любой ценой, даже ценой собственной жизни или жизней пилотов! Взорвать, сжечь – не важно, главное уничтожить. Если самолет начнет падать и ты не будешь твердо уверен, что уцелеешь при аварийной посадке, немедленно уничтожь пакет! Или убедись, что он наверняка уничтожен при разрушении самолета! Понятно?

– Так точно, понятно, – решительно кивнул осназовец. – Не беспокойтесь, тарщ капитан, сделаю.

Поколебавшись, Шохин все-таки добавил:

– Хочу, чтобы ты понял: если эти документы попадут к врагу, мы можем проиграть войну. Вот так, не меньше и не больше. Ну, осознал?

– О...осознал, – хрипло выдавил боец. – Вот так ни... себе...

– Ну, так а я о чем? – невесело хмыкнул контрразведчик. – Такие уж игры пошли. Рад, что ты меня понял. Все, держи пакет и дуй к самолету, а то товарищ пилот уже рукой машет. Удачи!

Глядя, как захлопнулась за осназовцем овальная бортовая дверка и самолет, покачивая плоскостями, покатил, постепенно ускоряясь, по утрамбованной силами бойцов БАО до каменной твердости взлетке, Сергей с какой-то особенной остротой осознал, что вот теперь – все. Вообще – все. Если лейтенант благополучно доберется до Москвы (и пусть толь-

ко попробует не добратся!), обратной дороги уже не будет. Ни у самого Шохина, ни у Алексеева.

Но и поступить иначе он тоже не мог.

Просто права такого не имел иначе поступить...

А дальше? Тут уж как в той старой, дореволюционной еще, поговорке: «или грудь в крестах, или голова в кустах». В том смысле, что или поверят, или нет. Если поверят – хорошо, если же нет? Ну, плохо, понятно. Хотя поставленное задание он, как ни крути, выполнил: все связанные со старлеем *странности* разъяснил, и отнюдь не его вина, что ответ оказался абсолютно не таким, какой предполагался. Накажут? Как, собственно говоря? Понизят в звании, на передовую отправят? Так до той передовой всего несколько часов на катере, да и бывал он там уже, даже по немецким тылам пробежался. Морпеха же подобное и вовсе «не колышет», как он сам выражается, только и думает, как бы поскорее обратно на фронт сдернуть. Поскольку, когда пачку исписанных листов Сергею передавал, так прямо и заявил, что в тылу, мол, отсиживаться не намерен, а должен дальше воевать. Выглядел старлей при этом... плохо, короче, выглядел. Краше в гроб кладут, одним словом. Больше десяти часов кряду бумагу марать – тяжкий труд, кто б спорил. Глаза совсем дурные стали, осоловевшие аж до самой последней крайности. Потому и отправил его Шохин спать, заставив перед тем высосать полнехонький стакан водки из той самой бутылки – для снятия стресса и ради крепкого сна...

Проснувшись, Алексеев еще несколько минут повалялся в блаженном ничегонеделанье на скрипучей пружинной кровати, после чего решил, что хорошего, как говорится, понемногу. Хотя вставать и не хотелось совершенно, да и холодно, если честно: лишившееся доброй трети окон здание успело порядком выстыть. Подозрительно прислушавшись к организму, старлей признал, что чувствует себя не столь уж и плохо. По крайней мере, куда лучше, нежели можно ожидать после почти десяти часов бесконечной писанины. И не просто писанины, поскольку не лекцию в училище конспектировал, а можно сказать, делился с предками тем самым хрестоматийным «послезнанием». Потому буквально каждую строчку приходилось обдумывать перед тем, как перенести на бумагу. Это ж не компьютер, блин, одним нажатием пальца неудачную фразу не сотрешь, не перепишешь! Хорошо еще, особист печатную машинку не притащил – с этим чудом местной технической мысли он бы, пожалуй, еще дольше провозился. Однозначно дурацкая идея была, что уж тут говорить. И расход бумаги больше – быстросохнувших корректоров в этом времени еще не изобрели, угу. Так что пришлось бы или от руки править, или заново текст набивать...

Короче, пока приноровился – ну, не писатель он, не писатель! – кучу этой самой бумаги почем зря извел. Контрраз-

ведчика от столь варварского расхода дефицитного ресурса, поди, едва кондратий не хватил. Но ближе к полуночи дело пошло лучше, даже фразы вроде бы стали выходить не столь дубово-канцелярскими, как поначалу. Так что сорок пятый и все послевоенные события описывал уже вполне литературно... ну, хотелось бы на это надеяться. А событий тех хватало – один только атомный проект чего стоил! Да и про баллистические ракеты стоило максимально подробно написать, с фамилиями и датами, как говорится. Иначе снова пиндосы большую часть фрицевской ракетной программы себе присвоят, вместе с Вернером фон Брауном. И про мирный космос не позабыть, понятно, тема нужная. Глядишь, и на Луне первыми будем... ну, если оно нам, конечно, вообще нужно. Пока еще не открытые месторождения нефти, алмазов, урановых руд. Хрущев с его сомнительными «реформами», в особенности военной и политической, – ну, как попаданцу без упоминания Никиты свет Сергеича-то обойтись? Корейская война, едва не приведший к ядерному апокалипсису Карибский кризис, Вьетнам, прочие «горячие точки», в которых СССР так или иначе поучаствовал. Афганистан опять же. Про Калашникова особенно подробно расписывать не стал: Михаил Тимофеевич и без его помощи уж как-нибудь справится, поскольку гений. Да и на календаре уже сорок третий год, так что нет никакого смысла вмешиваться в естественный ход событий. Упомянул только, что его автомат – однозначно лучший и самый распространенный за

всю историю существования стрелкового оружия. Умному – достаточно, как говорится...

Когда дошел до восьмидесятых годов, пальцев правой руки уже практически не чувствовал, да и глаза подводили, словно в лицо перцовым баллончиком брызнули. А уж сколько крепчайшего чаю выдул, так и вовсе не сосчитать – ничуть бы не удивился, узнав, что и за целый год прежней жизни столько не пил. Так-то он больше кофе уважал, но с этим делом, как пояснил Шохин, сейчас напряженка. А пить трофейную эрзац-бурду из желудей особого желания не имелось, да и особист отсоветовал («на вкус, может, и похоже, особенно ежели покрепче заварить да сахару побольше кинуть, но эффект так себе – больше в туалет бегать станешь, чем того эффекта»).

Короче говоря, когда закончил (еще и с картами почти час работал, нанося цветными карандашами диспозиции войск перед тем или иным сражением и с тоской вспоминая будущанские маркеры-фломастеры), только и мог, что покрасневшими глазами хлопать, пытаюсь понять, где он вообще находится. Пришедший забирать документы контрразведчик, понимающе вздохнув, молча кивнул в сторону койки. Но перед этим заставил махнуть полнехонький стакан водки, который собственноручно же и налил. Степан, собственно, и не спорил, хоть алкоголя не хотелось абсолютно. Выпил, словно воду, улегся – и очнулся только утром, вот прямо сейчас и очнулся. Интересно, кстати, сколько он подрых?

Нужно будет хоть наручные часы у Шохина стребовать взамен тех, что фрицы прихватизировали, а то даже времени не узнаешь...

Решительно откинув шерстяное армейское одеяло, старший лейтенант торопливо натянул поверх гимнастерки ватную куртку – в помещении и на самом деле было достаточно прохладно. Уже почти привычно накрутив портянки, зашнуровался, заправив галифе в ботинки – «стремена» у них, к счастью имелись, так что получилось достаточно удобно и привычно. Оглядев себя, Степан прикинул, что «нижним этажом» он теперь чем-то даже напоминает батю в афганской «песочке» со старых фоток. Не так чтобы вот прямо сильно, но ассоциация отчего-то возникла именно такая. Еще бы разгрузку-«лифчик» с панамой да семьдесят четвертый «калаш» поперек груди – так и вовсе похоже. Ватничек, понятно, не особо соответствует, зато реально удобно и тепло. Да и движений не стесняет. Нет, знали все ж таки наши героические предки толк в военной форме, чтоб там ни писали в интернетиках всезнающие диванные «аналитеги», ни дня не прослужившие в реальной армии!

До хруста потянувшись и дотопав до стола, Алексеев побулкал практически пустым чайником, на дне которого еще оставалось немного чая. Стоило бы немного разогреть мышцы, проведя привычный гимнастический комплекс, но заниматься зарядкой было откровенно лень, и старлей решил забить – заслужил, в конце-то концов, поскольку ночью вовсе

не балду пинал, а работал! Если и не в поте лица, ибо холодно, то уж во благо Родины и прочего будущего – точно. Глотнул прямо из горлышка – пить хотелось не на шутку. Чай оказался перестоявшим и оттого горьким, еще и поднятые резким движением чайники лезли в рот целыми диверсионными отрядами, однако Степан выхлебал все что было. Немедленно ощутив, что помимо утоленной жажды испытывает и еще одно желание, так сказать, прямо противоположного свойства. Тоже не проблема, где тут санузел, он отлично помнил, накануне не раз и не два туда наведывался. Вот только дверь, как ни дергал морпех ручку, отчего-то оказалась запертой со стороны коридора. Старший лейтенант вяло удивился: что еще за хрень? Вроде бы вчера – ну, то бишь уже сегодня, понятно, – его не арестовывали? Может, постучать, привлекая внимание?

Стучать не пришлось – в замке скрежетнул ключ, и в кабинет заглянул незнакомый боец. С местными знаками различия Степан пока еще окончательно не разобрался, но вроде бы сержант госбезопасности. Ну, сержант так сержант, ему-то что? Главное, чтобы и туалет на замке не оказался. Кстати, сержант ГБ вроде бы соответствует армейскому лейтенанту? Или он ошибается?

– С добрым утром, товарищ старший лейтенант! Выспались? – вполне доброжелательно осведомился тот. Вот только клапан кобуры отчего-то оказался отстегнутым, что Степана слегка напрягло. Еще и кабинет за спиной окинул быст-

рым, профессиональным взглядом, убеждаясь, что больше в помещении никого не имеется. Что еще за непонятные игры такие? И где, собственно, Шохин, обещал ведь утром зайти?

– Выспался, – согласился морпех. – Выйти-то можно? Мне бы в туалет да умыться. И кстати, товарищ сержант, у вас кобура расстегнута, непорядок. Не ровен час личное оружие выпадет, а враг подберет. Враг – он такой, коварный...

– Можно, – раздраженно дернул щекой тот, оценив сказанное. – Виноват, не заметил. Проходите.

Дотопав до знакомой двери, морпех хотел было осведомиться, в одиночку ли ему выполнять гигиенические мероприятия или кто поможет, однако благоразумно решил дальше ситуацию не нагнетать. В конце концов, этот сержант-лейтенант всего лишь выполняет приказ, наверняка отданный Шохиним (ну, а кем еще, блин?). Так что парень ни в чем не виноват, потому незачем и стебаться.

Пополнив местную канализацию и кое-как умывшись (обмылок нашелся на краю жестяного умывальника, а вот с полотенцем вышел полный облом, вытираться пришлось рукавом), Алексеев вернулся в коридор. Где и столкнулся с вернувшимся – интересно, откуда? – контрразведчиком, о чем-то негромко переговаривающимся с сержантом.

Смерив морпеха оценивающим взглядом, особист усмехнулся:

– Ну, не подрались, уже хорошо. А то я уж переживал, даже, вон, товарища сержанта предупредил, что ты у нас чело-

век непростой, можешь и того...

— Здравия желаю, тарщ капитан, — как ни в чем не бывало отрапортовал Степан. — Никак нет, не подрались, даже мысли такой не имелось. Да и человек я мирный, вы ж знаете. Даже мухи зря не обижу. Ну, если она, понятно, у фрица на службе не состоит.

— Вот и хорошо, — не стал развивать тему особист. — Пошли в кабинет, разговор имеется. Важный. Заодно и позавтракаем, я тут принес кое-чего. Сержант, не в службу, а в дружбу, сгоняй за кипяточком?

Глава 5. Между небом и землей

Где-то северо-восточнее Новороссийска, 13 февраля 1943 года

Старлей Алексеев был достаточно далек от авиации в любой ее ипостаси. Нет, с парашютом он, как и другие морские пехотинцы, разумеется, прыгал – в рамках базовой воздушно-десантной подготовки. Но вот в средствах доставки внезапно (и ненадолго) обретших крылья морпехов к месту будущих боевых действий разбирался не сильно. Самолет – и самолет, ему ж этой машиной не управлять, так что незачем и напрягаться. Летит – хорошо, падает – плохо. Все остальное исключительно дело пилотов...

Сейчас было плохо. Поскольку самолет однозначно падал. С остановившимся мотором (второй пока еще худо-бедно работал) и разбитым хвостовым оперением достаточно сложно продолжать нормальный полет. Впрочем, намертво вцепившийся в штурвал летчик делал все что мог, всеми правдами и неправдами удерживая практически неуправляемую машину в воздухе. Остальной экипаж погиб: второй пилот и штурман – сразу, когда «сто девятый» изрешетил кабину транспортного Ли-2 из бортовых пулеметов, борт-радист – чуть позже, напоровшись на хлестнувшую по фюзеляжу очередь. Четверо пассажиров уцелели чудом. Навылет дырявившие тонкий дюраль пули прошли выше сидящих

людей, а вот стоявшему во весь рост радисту, выглянувшему из кабины как раз для того, чтоб предупредить их оставаться на местах, не повезло.

Никто из уцелевших так никогда и не узнал, что пара истребителей прикрытия сделала все что могла, ценой собственных жизней связав боем и сбив три из четырех внезапно вывалившихся из облаков Bf-109. Четвертый в бою не участвовал, с первых же секунд нацелившись на оставшийся без защиты транспортник. К сожалению, успешно: отработав по кабине, «мессер» зашел в хвост, словно в тире расстреляв правый двигатель и киль с рулями высоты. Получить отпор он не боялся – эта модель не была оснащена верхней пулеметной турелью. Убедившись, что поврежденный самолет тяжело пошел вниз, отвалил в сторону, ложась на обратный курс – горючее было на исходе. Да и повторять судьбу камрадов не хотелось: русские пилоты с каждым месяцем сражались все лучше и лучше. Парни их, понятно, приземлили, но и цена этой победы оказалась слишком высокой – сразу три «Густава»⁴ перечеркнули серое рассветное небо дымными шлейфами. А вот белых пятен раскрывшихся парашютов сидящий за штурвалом лейтенант люфтваффе Герман Шлоссер как ни вглядывался сквозь заляпанное каплями масла остекление кабины, так и не заметил буквально ни одного. Так что лучше вернуться, пока еще имеется такая возмож-

⁴ Имеется в виду самая массовая модификация истребителя «Messerschmitt» Bf. 109 G (Gustav).

ность. Тем более свою задачу он выполнил: с подобными повреждениями транспортник далеко не улетит, в любом случае грохнется в десятке километров, если не раньше...

Переступив через тело погибшего бортрадиста, Степан отвалил оказавшуюся незапертой овальную дверь, оказавшись в узком, буквально метр в длину, «пенальчике» с радиостанцией и рабочим местом штурмана. Который обнаружился тут же, в своем закутке, расположенном за креслом первого пилота: летная куртка изодрана пулями, затылок и вовсе представляет собой одно сплошное кровавое месиво, на полу отблескивает темным лаком зловещая лужа. Вертикальная перегородка зияет рваными сквозными отметинами. Торопливо отведя взгляд, старлей сделал еще шаг, заглянул в кабину. Чтобы оценить обстановку, хватило пары секунд: остекление частично разбито, сквозь многочисленные пробоины врывается ледяной ветер, второй пилот скособочился в кресле, приборная панель заляпана алыми брызгами. Полукруглый штурвал перед ним легонько покачивается.

Заметив движение, уцелевший летчик – насколько понимал морпех, первый пилот – обернулся, громко спросив, перекрикивая рев единственного работающего мотора:

– Как вы там, все целы?

– Да вроде бы!... – проорал в ответ Алексеев.

– А Пашка где, он к вам пошел?

Догадавшись, что речь идет про радиста, морпех мотнул головой:

– Погиб. Как в транспортный отсек выглянул, так очередью и срезало.

– Твою мать... – дернув окровавленной щекой, коротко прокомментировал пилот, отворачиваясь. – Откуда эти суки тут вообще взялись, б...? Десять рейсов сделал, и ни разу фрицы так далеко не забирались! Над своей же территорией шли!

Не ответив – да и что тут говорить-то? – старший лейтенант присмотрелся повнимательнее. Блин, так он ранен! И если кровь на щеке – пустяк, видимо, просто осколком стекла или мелким осколком оцарапало, то вот темная струйка в углу рта ему сильно не понравилась. Степан кое-как продвинулся еще немного вперед – пилотская кабина, к его удивлению, оказалась весьма тесной, суживающейся кпереди наподобие трапеции, и едва вмещала пару кресел и приборную панель с множеством каких-то рукояток и рычагов между ними:

– Э, летун, так ты раненный, что ли? Может, перевязать?

– Не нужно, штурвал бросать нельзя, и так еле-еле машину в воздухе держу. Коль свалимся, сразу в землю воткнемся, тут всей высоты меньше километра. Да и не поможет это, рана плохая, крови больно уж много. Не жилец я. Попробую хоть куда-то дотянуть, пока мотор фурычит. Если найду площадку, сядем, крайней мере, попытаемся. Если нет, извиняй, парашютов на борту не имеется.

Спорить Алексеев не стал: к чему? Теперь он и сам видел,

что пилот тяжело ранен – на плотной летной куртке крови заметно не было, а вот брюки под ней уже подозрительно потемнели. Незаметно коснувшись пальцами края сиденья, Степан ощутил знакомую вязкую *липкость*. Ну да, все верно. Фигово, совсем-совсем фигово...

– А мы где вообще? Часом, к фрицам не залетим?

– В том-то и дело, что понятия не имею, – буркнул тот, коснувшись какого-то рычага, видимо, изменяющего режим работы двигателя – в кабине стало немного тише. – Хвостовое сильно побило, курс изменить не могу. Можем и залететь, тут всего расстояния пару десятков километров.

– На карте покажешь?

Пилот невесело хмыкнул, судорожно облизнув окровавленные губы – насколько мог судить старлей, говорить ему становилось все тяжелее и тяжелее:

– А смысл? Когда «мессер» навалился, я сразу в сторону ушел, надеялся гаду прицел сбить. Да где там, это ж тебе не истребитель. Сейчас только по прямой лететь могу, поскольку рулей, считай, и не осталось. А вот куда именно лететь? Нечего мне ответить, ориентиров знакомых не наблюдаю. Хорошо, ежели хоть сесть сумею, да и в том не уверен. Ты лучше вот чего сделай, коль мертвяков не боишься: вытяни Ваську из кресла, а сам на его место лезь. Поможешь штурвал держать, левая рука почти не слушается. Педали пока не трогай, просто делай что скажу, добро?

– Угу, – сдавленно пробормотал Степан, с трудом вывола-

кивая тело погибшего из кресла и стараясь не глядеть на то, что осталось от его головы. Кое-как справился, основательно перемазавшись в чужой крови. Впихнув труп в каморку бортрадиста (больше оказалось просто некуда, уж больно места мало – не в десантный же отсек тащить?), морпех уселся в пилотское кресло, неуверенно взявшись за упруго подрагивающий штурвал. В лицо, выбивая слезы, били тугие струйки ледяного воздуха – пулеметная очередь прошла по остеклению как раз на уровне головы. Сидящему слева от него летчику было попроще: и стекла с его стороны уцелели, и защитные очки имеются.

– Ты, часом, самолетом управлять не умеешь?

– Шутишь? Я и в кабине-то впервые в жизни. Так что нет, извини.

– Жаль. Ладно, тогда просто помогай, вдвоем, глядишь, и справимся. Если площадку отыщем.

Несколько минут ничего не происходило. Самолет худо-бедно пер вперед на единственном уцелевшем движении, лицо и сжимавшие штурвал пальцы – захватить с собой перчатки старлей не догадался – понемногу немели от холода, пилот молчал, плотно сжав окровавленные синюшные губы. Затем за спиной раздался едва слышимый в гуле мотора лязг открываемой дверцы, и в кабину заглянул один из двоих летевших вместе с ними осназовцев:

– Тарщ старший лейтенант, что тут у вас?

– Летим, как видишь, – не оборачиваясь, ответил Сте-

пан. — Как в той песне поется, на честном слове и одном крыле, блин. Товарищ капитан как, пришел в себя?

— Нормально с ним все, просто головой об борт приложился. Послал, вот, разузнать, куда это вы запропалились.

— Выяснил? Тогда слушай сюда, Леша, — живо топай обратно да держитесь покрепче, посадка будет жесткой. Только автоматы при себе не держите — я в хвосте чехлы от моторов видел, в них оружие замотайте, и мое тоже. Перед тем как земли коснемся, сгруппируйтесь и в сиденья изо всех сил вцепитесь. Если не удержитесь и начнет по салону мотать, точно костей не соберете. И за товарищем капитаном посмотри. Понял? Все, выполняй.

— А вы?

— А я товарищу пилоту помогу, ранен он.

Обежав кабину быстрым взглядом, осназовец молча кивнул, решив больше никаких вопросов не задавать — все было понятно и так. Снова лязгнула, закрываясь, дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.